

Эрих Фромм

Искусство любить

Предисловие

Чтение этой книги принесет разочарование тому, кто ожидает доступной инструкции в искусстве любви. Эта книга, как раз напротив, ставит целью показать, что любовь – не сентиментальное чувство, испытать которое может всякий человек независимо от уровня достигнутой им зрелости. Она хочет убедить читателя, что все его попытки любви обречены на неудачу, если он не стремится более активно развивать свою личность в целом, чтобы достичь продуктивной ориентации; что удовлетворение в индивидуальной любви не может быть достигнуто без способности любить своего ближнего, без истинной человечности, отваги, веры и дисциплины. В культуре, где эти качества редки, обретение способности любить обречено оставаться редким достижением. Пусть каждый спросит себя, как много действительно любящих людей он встречал.

Однако сложность задачи не должна сдерживать стремления познать как эти сложности, так и условия их преодоления. Чтобы избежать искусственных усложнений, я старался изложить проблему на языке столь доступном, сколь это возможно. По той же причине я свел к минимуму ссылки на литературу о любви.

Для некоторых проблем я не нашел удовлетворительного решения, т. е. не сумел избежать повторения идей, высказанных в предыдущих моих книгах. Читатель, знакомый с «Бегством от свободы», «Человеком для себя» и «Здоровым обществом», найдет в этой книге много идей, высказанных в этих предшествующих работах. Тем не менее «Искусство любви» отнюдь не является в основе своей повторением уже известного. Эта книга содержит много идей, выходящих за пределы того, о чем я писал раньше, и, что вполне естественно, даже старые идеи вдруг обретают новую перспективу благодаря сосредоточенности на данном вопросе – вопросе искусства любви.

Э.Ф.

1. ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ЛЮБОВЬ ИСКУССТВОМ?

Является ли любовь искусством? Если да, то она требует знания и усилия. Или, может быть, любовь – это приятное чувство, испытать которое – дело случая, нечто такое, что выпадает человеку в случае удачи. Эта маленькая книга основана на первой предпосылке, хотя большинство людей сегодня несомненно исходят из второй.

Не то чтобы люди считали любовь делом неважным. Они ее жаждут, они смотрят бесчисленное количество фильмов о счастливых и несчастливых любовных историях, они слушают сотни глупых песенок о любви, но едва ли кто-нибудь действительно думает, что существует какая-то необходимость учиться любви. Эта особая установка основывается на нескольких предпосылках, которые порознь и в сочетании имеют тенденцию способствовать ее сохранению.

Для большинства людей проблема любви состоит в том, чтобы быть любимым, а не в том, чтобы любить, уметь любить. Значит, сущность проблемы для них в том, чтобы их любили, чтобы они возбуждали чувство любви к себе. К достижению этой цели они идут несколькими путями. Первый, которым обычно пользуются мужчины, заключается в том, чтобы стать удачливым, стать сильным и богатым настолько, насколько позволяет социальная ситуация. Другой путь, используемый обычно женщинами, состоит в том, чтобы

сделать себя привлекательной, тщательно следя за своим телом, одеждой и т. д. Иные пути обретения собственной привлекательности, используемые и мужчинами, и женщинами, состоят в том, чтобы выработать хорошие манеры, умение вести интересную беседу, готовность прийти на помощь, скромность, непритязательность. Многие пути обретения способности возбуждать любовь к себе являются теми же самыми путями, которые используются для достижения удачливости, для обретения полезных друзей и влиятельных связей. Очевидно, что для большинства людей нашей культуры умение возбуждать любовь это, в сущности, соединение симпатичности и сексуальной привлекательности.

Вторая предпосылка отношения к любви как к чему-то, не требующему обучения, состоит в допущении, что проблема любви – это проблема объекта, а не проблема способности. Люди думают, что любить просто, а вот найти подлинный объект любви, – или оказаться любимым этим объектом, – трудно. Эта установка имеет несколько причин, коренящихся в развитии современного общества. Одна причина в большой перемене, произошедшей в двадцатом веке в отношении выбора «объекта любви». В викторианскую эпоху, как и во многих традиционных культурах, любовь не была в большинстве случаев спонтанным, личным переживанием, которое затем должно было вести к браку. Напротив, брак основывался на соглашении – то ли между семьями, то ли между посредниками в делах брака, то ли без помощи таких посредников; он заключался на основе учета социальных условий, а любовь, как полагали, начнет развиваться с того времени, как брак будет заключен. В течение нескольких последних поколений всеобщим стало в западном мире понятие романтической любви. В Соединенных Штатах, хотя соображения договорной природы брака еще полностью не вытеснены, большинство людей ищут романтической любви, личного переживания любви, которое затем должно повести к браку. Это новое понимание свободы любви должно было в значительной мере повысить значение объекта в ущерб значению функции.

С этим фактором тесно связана другая характерная черта современной культуры. Вся наша культура основана на жажде покупать, на идее взаимовыгодного обмена. Счастье современного человека состоит в радостном волнении, которое он испытывает, глядя на витрины магазина и покупая все, что он может позволить себе купить или за наличные или в рассрочку. Он (или она) и на людей глядят подобным образом. Для мужчины привлекательная женщина

– для женщины привлекательный мужчина – это добыча, которой они являются друг для друга. Привлекательность обычно означает красивую упаковку свойств, которые популярны и искомы на личностном рынке. Что особенно делает человека привлекательным – это зависит от моды данного времени, как физической, так и духовной. В двадцатых годах привлекательной считалась умеющая пить и курить, разбитная и сексуальная женщина, а сегодня мода требует больше домовитости и скромности. В конце девятнадцатого и в начале двадцатого века мужчина, чтобы стать привлекательным «товаром», должен был быть агрессивным и честолюбивым, сегодня он должен быть общительным и терпимым. К тому же чувство влюбленности развивается обычно только в отношении такого человеческого товара, который находится в пределах досягаемости собственного выбора. Я ищу выгоды: объект должен быть желанным с точки зрения социальной ценности, и в то же время должен сам желать меня, учитывая мои скрытые и явные достоинства и возможности. Два человека влюбляются тогда, когда чувствуют, что нашли наилучший объект, имеющийся на рынке, учитывая при этом границы собственного обменного фонда. Часто, как при покупке недвижимого имущества, заметную роль в этой сделке играют скрытые возможности, которые могут быть развиты со временем. Едва ли стоит удивляться, что в культуре, где превалирует рыночная ориентация и где материальный успех представляет выдающуюся ценность, человеческие любовные отношения следуют тем же образцам, которые управляют и рынком.

Третье заблуждение, ведущее к убежденности, что в любви ничему не надо учиться, состоит в смешении первоначального чувства влюбленности с перманентным состоянием

пробытия в любви. Если двое чужих друг другу людей, какими все мы являемся, вдруг позволят разделяющей их стене рухнуть, этот момент единства станет одним из самых волнующих переживаний в жизни. В нем все наиболее прекрасное и чудодейственное для людей, которые были прежде разобщены, изолированы, лишены любви. Это чудо неожиданной близости часто случается легче, если она начинается с физического влечения и его удовлетворения. Однако такого типа любовь по самой своей природе не долговечна. Два человека все лучше узнают друг друга, их близость все более и более утрачивает чудесный характер, пока, наконец, их антагонизм, их разочарование, их пресыщенность друг другом не убивает то, что осталось от их первоначального волнения. Вначале они не знали этого всего; их, действительно, захватила волна слепого влечения. «Помешательство» друг на друге

– доказательство силы их любви, хотя оно могло бы свидетельствовать только о степени их предшествующего одиночества.

Эта установка, что ничего нет легче, чем любить, – продолжает оставаться преобладающей идеей относительно любви вопреки подавляющей очевидности противоположного. Едва ли существует какая-то деятельность, какое-то занятие, которое начиналось бы с таких огромных надежд и ожиданий и которое все же терпело бы крах с такой неизменной, как любовь. Если бы это касалось какой-либо иной деятельности, люди сделали бы все возможное, чтобы понять причины неудачи, и научились бы поступать наилучшим для данного дела образом – или отказались бы от этой деятельности. Поскольку последнее в отношении любви невозможно, то единственно адекватный способ избежать неудачи в любви – исследовать причины этой неудачи и перейти к изучению смысла любви.

Первый шаг, который необходимо сделать, это осознать, что любовь – это искусство, такое же, как искусство жить: если мы хотим научиться любить, мы должны поступать точно так же, как нам предстоит поступать, когда мы хотим научиться любому другому искусству, скажем, музыке, живописи, столярному делу, врачебному или инженерному искусству.

Какие шаги необходимы в обучении любому искусству?

Процесс обучения искусству можно последовательно разделить на два этапа: первый – овладение теорией; второй – овладение практикой. Если я хочу научиться искусству медицины, я должен в первую очередь познать определенные факты относительно человеческого тела и относительно различных болезней. Но даже когда я обрету все эти теоретические знания, я все еще не смогу считаться сведущим во врачебном искусстве. Я стану мастером в этом деле после длительной практики, когда, наконец, результаты моего теоретического знания и результаты моей практики сольются в одно – в мою интуицию, составляющую сущность мастерства в любом искусстве. Но наряду с теорией и практикой существует третий фактор, необходимый для того, чтобы стать мастером в любом искусстве – овладение искусством должно стать предметом наивысшего сосредоточения; не должно существовать в мире ничего более важного, чем это искусство. Это относится к музыке, медицине, к столярному искусству – а также и к любви. И, может быть, именно здесь содержится ответ на вопрос, почему люди нашей культуры так редко изучают это искусство вопреки их очевидным неудачам в нем. Вопреки глубоко коренящейся жажде любви, почти все иное считается едва ли не более важным, чем любовь: успех, престиж, деньги, власть. Почти вся наша энергия употребляется на обучение достижению этих целей, и почти никакой – на обучение искусству любви.

Может, достойными затраты сил на обучение надо считать только те вещи, при помощи которых можно приобрести деньги или престиж, а любовь, которая приносит пользу «только душе», но бесполезна в современном смысле, является роскошью, которой мы не вправе отдавать много энергии? Как бы там ни было, дальнейший ход рассуждения в этой книге будет основываться на приведенном ниже разделении. Во-первых, я рассмотрю теорию любви – это займет большую часть книги, и, во-вторых, я рассмотрю практику любви – насколько можно вообще говорить о практике в этой, как и в любой другой области.

...

2. ТЕОРИЯ ЛЮБВИ

Любовь – ответ на проблему человеческого существования Любая теория любви должна начинаться с теории человека, человеческого существования. Хотя мы обнаруживаем любовь, вернее эквивалент любви, уже у животных, их привязанности являются, в основном, частью их инстинктивной природы; у человека же действуют лишь остатки этих инстинктов. Что действительно существенно в существовании человека так это то, что он вышел из животного царства, из сферы инстинктивной адаптации, переступил пределы природы. И все же однажды оторвавшись от нее, он не может вернуться к ней; однажды он был изгнан из рая – состояния первоначального единства с природой

– и ангел с огненным мечом преградит ему путь, если б он захотел вернуться. Человек может идти только вперед, развивать свой разум, находя новую гармонию, человеческую гармонию вместо дочеловеческой, которая безвозвратно утеряна. Когда человек рождается – как весь человеческий род, так и отдельный индивидум – он оказывается перенесенным из ситуации, которая была определенной. Как определены инстинкты, в ситуацию, которая неопределенна, неясна, открыта. Ясность существует только относительно прошлого – а относительно будущего ясно только, что когда-нибудь да наступит смерть.

Человек одарен разумом, он есть сознающая себя жизнь, он осознает себя, своего ближнего, свое прошлое и возможности своего будущего. Это осознание себя, как отдельного существа, осознание краткости собственной жизни, того, что не по своей воле рожден и вопреки своей воле умрет, что он может умереть раньше, чем те, кого он любит, или они раньше его, и осознание собственного одиночества и отделенности, собственной беспомощности перед силами природы и общества – все это делает его отчужденное, разобщенное с другими существование невыносимой тюрьмой. Он стал бы безумным, если бы не мог освободиться из этой тюрьмы, покинуть ее, объединившись в той или иной форме с людьми, с окружающим миром.

Переживание отделенности рождает тревогу, оно является источником всякой тревоги. Быть отделенным значит быть отторгнутым, не имея никакой возможности употребить свои человеческие силы. Быть отделенным это значит быть беспомощным, неспособным активно владеть миром – вещами и людьми, это значит, что мир может наступать на меня, а я при этом неспособен противостоять ему. Таким образом, отделенность – это источник напряженной тревоги. Кроме того, она рождает стыд и чувство вины. Это переживание вины и стыда в связи с отделенностью выражено в библейском рассказе об Адаме и Еве. После того, как Адам и Ева вкусили от «древа познания добра и зла», после того как они ослушались (нет добра и зла, пока нет свободы послушания), после того, как они стали людьми, высвободившись из первоначальной животной гармонии с природой, т. е. после их рождения в качестве человеческих существ, – они увидели, что «они нагие, и устыдились». Должны ли мы предположить, что миф, такой древний и простой как этот, несет в себе стыдливую мораль, свойственную девятнадцатому веку, и что самая главная вещь, которую эта история желает нам сообщить, состоит в том, что они пришли в смущение, увидев, что их половые органы открыты посторонним взглядам? Едва ли это так. Понимая эту историю в викторианском духе, мы утратим главную ее мысль, которая, как нам кажется, состоит в следующем: после того, как мужчина и женщина начали осознавать самих себя и друг друга, они осознали свою отдельность и свое различие из-за принадлежности к разным полам. Но как только они поняли свою отделенность, они стали чужими друг другу, потому что о и еще не научились любить друг друга (что вполне понятно хотя бы из того, что Адам защищал себя, обвиняя Еву, вместо того, чтобы пытаться защитить ее). Осознание человеческой отдельности без воссоединения в любви это источник стыда и в то же время это источник вины и тревоги. Таким образом, глубочайшую потребность человека составляет потребность

преодолеть свою отделенность, покинуть тюрьму своего одиночества. Полная неудача в достижении этой цели означает безумие, потому что панический ужас перед полной изоляцией может быть преодолен только таким радикальным отходом от всего окружающего мира, чтобы исчезло чувство отдельности, чтобы внешний мир, от которого человек отделен, сам перестал существовать.

Во все времена во всех культурах перед человеком стоит один и тот же вопрос: как преодолеть отделенность, как достичь единства, как выйти за пределы своей собственной индивидуальной жизни и обрести единение. Этот вопрос оставался тем же для примитивного человека, жившего в пещерах, для кочевника, заботившегося о своих стадах, для крестьянина в Египте, для финикийского купца, для римского солдата, для средневекового монаха, для японского самурая, для современного клерка и фабричного рабочего. Вопрос остается тем же самым, потому что той же самой остается его основа: человеческая ситуация, условия человеческого существования. Ответы различны. На этот вопрос можно ответить поклонением животным, людскими жертвами, милитаристским захватом, погружением в роскошь, аскетическим отречением, одержимостью работой, художественным творчеством, любовью к богу и любовью к человеку. Хотя существует много ответов – набор которых и является человеческой историей – они тем не менее не бесчисленны. Напротив, если не брать в расчет малые различия, которые касаются скорее отдельных частных случаев, чем сути дела, то придется признать, что существует только ограниченное число ответов, которые были даны и могли быть даны человеком в различных культурах, в которых он жил. История религии и философии это история этих ответов, их разнообразия, как и их ограниченности.

Ответ в определенной степени зависит от уровня индивидуальности, достигнутой человеком. У младенца «я» уже развито, но еще очень слабо, он не чувствует отделенности, пока мать рядом. От чувства отделенности его оберегает физическое присутствие матери, ее груди, ее тела. Только начиная с той поры, когда в ребенке развивается чувство своей отделенности и индивидуальности, ему становится недостаточно уже присутствия матери, и начинает возрастать потребность иными путями преодолеть отделенность.

Сходным образом человеческий род в своем младенчестве еще чувствовал единство с природой. Земля, животные, деревья – все еще составляли мир человека. Он отождествлял себя с животными, и это выражалось в ношении звериных масок, поклонении тотему животного и животным-богам. Но чем больше человеческий род порывал с этими первоначальными узами, чем более он отделялся от природного мира, тем более напряженной становилась потребность находить новые пути преодоления отделенности.

Один путь достижения этой цели составляет все виды оргиастических состояний. Они могут иметь форму транса, в который человек вводит себя сам или с помощью наркотиков. Многие ритуалы примитивных племен представляют живую картину такого типа решения проблемы. В трансом состоянии экзальтации исчезает внешний мир, а вместе с ним и чувство отделенности от него. Ввиду того, что эти ритуалы практиковались сообща, сюда прибавлялось переживание слиянности с группой, которое делало это решение еще более эффективным. Близко связано и часто смешивается с этим оргиастическим решением проблемы сексуальное переживание. Сексуальное удовлетворение может вызвать состояние, подобное производственному или действию определенных наркотиков. Обряды коллективных сексуальных оргий были частью многих примитивных ритуалов. Кажется, что после оргиастического переживания человек может на некоторое время расстаться со страданием, которое во многом проистекает из его отделенности. Постепенно тревожное напряжение опять нарастает и снова спадает благодаря повторному исполнению ритуала.

Пока эти оргиастические состояния входят в общую практику племени, они не порождают чувства тревоги и вины. Поступать так – правильно и даже добродетельно, потому что это путь, которым идут все, одобренный и поощряемый врачами и жрецами; следовательно, нет причины чувствовать вину или стыд. Дело совершенно меняется, когда то же самое решение избирается индивидом в культуре, которая рассталась с этой общей практикой. Формами, которые индивид выбирает в неорганистической культуре,

являются алкоголизм и наркомания. В противоположность тем, кто участвует в социально одобренном действии, такие индивиды страдают от чувства виновности и угрызений совести. Хотя они пытаются бежать от отделенности, находя прибежище в алкоголе и наркотиках, они чувствуют еще большее одиночество после того, как оргиастические переживания заканчиваются, и тогда растет необходимость возвращаться в свое прибежище как можно чаще и интенсивнее. Мало чем отличается от этого прибежища сексуальное оргиастическое решение проблемы. В определенном смысле, это естественная и нормальная форма преодоления отделенности и частичный ответ на проблему изоляции. Но для многих индивидов, чья отделенность не преодолима иными способами, источник сексуального удовлетворения обретает ту функцию, которая делает его не слишком отличимым от алкоголизма и наркомании. Оно становится отчаянной попыткой избежать тревоги, порождаемой отделенностью, и в результате ведет к еще большему увеличению чувства отделенности, поскольку сексуальный акт без любви никогда не может перекинуть мост над пропастью, разделяющей два человеческих существа. Разве что на краткий миг.

Все формы оргиастического союза характеризуются тремя чертами: они сильны и даже бурны; они захватывают всего человека целиком – и ум, и тело; они преходящи и периодичны. Прямую противоположность им составляет форма единства, которая наиболее часто избиралась людьми в качестве решения как в прошлом, так и в настоящем: единство, основанное на приспособлении к группе, ее обычаям, практике и верованиям. Здесь мы опять же обнаруживаем значительное различие.

В примитивном обществе группа мала, она состоит из тех, кто связан меж собой узами крови и земли. С развитием культуры группа увеличивается: она становится сообществом граждан полиса, сообществом граждан большого государства, сообществом членов церкви. Даже бедный римлянин испытывал чувство гордости, потому что он мог сказать *civis romanus sum*¹. Рим и империя были его семьей, его домом, его миром. Единение с группой является еще и ныне в современном западном обществе преобладающим способом преодоления отделенности. Это единство, в котором индивид в значительной степени утрачивает себя, цель его в том, чтобы слиться со стадом. Если я похож на кого-то еще, если я не имею отличающих меня чувств или мыслей, если я в привычках, одежде, идеях приспособлен к образцам группы, я спасен, спасен от ужасающего чувства одиночества. Чтобы стимулировать приспособляемость, диктаторские системы используют угрозы и насилие, демократические страны – внушение и пропаганду. Правда, между двумя системами существует одно большое различие. В демократических странах не приспособленность возможна и, фактически, отсутствует не полностью; в тоталитарных системах только некоторые редкие герои и мученики могут отказаться от послушания. Но вопреки этой разнице демократические общества демонстрируют поразительный уровень приспособленчества. Причина здесь в том, что должен же существовать ответ на запрос в единении, и если нет другого или лучшего ответа, тогда господствующим становится единение стадного приспособленчества. Только тот вполне может понять, как силен страх оказаться непохожим, отличающимся, страх отойти на несколько шагов от стада, кто понимает глубину потребности в единстве. Иногда этот страх не приспособиться рационализируется как страх перед практическими опасностями, которые угрожают не конформисту. Но на самом деле люди хотят приспособиться в гораздо большей степени, чем они вынуждены приспособляться. По крайней мере, в западных демократиях.

Большинство людей даже не осознают своей потребности в приспособлении. Они живут с иллюзией, что они следуют своим собственным идеям и наклонностям, что они оригинальны, что они приходят к своим убеждениям в результате собственного раздумия – и что это просто так получается, что их идеи схожи с идеями большинства. Согласие всех служит доказательством правильности «их» идей. Поскольку все же существует потребность чувствовать некоторую индивидуальность, то такая потребность удовлетворяется при помощи незначительных отличий: инициалы на сумке или свитере, вывеска с названием банковского кассира, принадлежность к демократической или, напротив, к республиканской

партии, к клубу ЭЛКС, а не к клубу Шрайнерс, становятся выражением индивидуальных отличий. Рекламируемый лозунг «это другое» (it is different) показывает эту патетическую потребность в отличии, тогда как в действительности оно здесь малозначительно.

Эта все возрастающая тенденция к уничтожению различий тесно связана с пониманием и переживанием равенства, как оно развилось в наиболее передовых индустриальных обществах. Равенство означало, в религиозном контексте, что все мы дети бога, что все мы обладаем одной и той же человеко-божеской субстанцией, что все мы едины. Оно означало также, что должны уважаться все различия между индивидами, что хотя и верно, что все мы составляем единство, но так же верно, что каждый из нас является уникальной сущностью, космосом в себе. Такое утверждение уникальности индивида выражено, например, в положении Талмуда: «Кто сохранит одну жизнь, это все равно, как если бы он спас весь мир; кто уничтожит одну жизнь – это все равно, как если бы он уничтожил весь мир». Равенство, как условие развития индивидуальности, имело значение также в философии западного Просвещения. Оно означало (будучи наиболее ясно сформулировано Кантом), что никакой человек не может быть средством для целей другого человека. Все люди равны, поскольку все они цели и только цели, и ни в коем случае не средства друг для друга. Следуя идеям Просвещения, социалистические мыслители разных школ определяли равенство как отмену эксплуатации, использования человека человеком, независимо от того, жестоко это использование или «человечно».

В современном капиталистическом мире понятие равенства изменилось. Под равенством понимают равенство автоматов: людей, которые лишены индивидуальности. Равенство сегодня означает «тождество» в большей степени, чем «единство». Это тождество абстракций, людей, которые работают на одних и тех же работах, имеют похожие развлечения; читают одни и те же газеты, имеют одни и те же чувства и идеи. В этом положении приходится с некоторым скептицизмом смотреть на иные достижения, обычно восхваляемые, как некие знаки нашего прогресса, как например, равенство женщин. Нет необходимости говорить, что я не выступаю против равенства женщин; но положительный аспект этого стремления к равенству не должен никого вводить в заблуждение. Это часть общего стремления к уничтожению различий. Равенство покупается дорогой ценой: женщина становится равной, потому что сна больше не отличается от мужчины. Утверждение философии Просвещения *l'ame no pas de sexe* – душа не имеет пола – стала общей практикой. Полярная противоположность полов исчезает, и с ней – эротическая любовь, основанная на этой полярности. Мужчина и женщина стали похожими, а не равными, как противоположные полюса. Современное общество проповедует идеал неиндивидуализированной любви, потому что нуждается в похожих друг на друга человеческих атомах, чтобы сделать их функцией в массовом агрегате, действующей исправно, без трений; чтоб все повиновались одним и тем же приказам, и при этом каждый был бы убежден, что он следует своим собственным желаниям. Как современная массовая продукция требует стандартизации изделий, так и социальный процесс требует стандартизации людей, и их стандартизация называется «равенством».

Единение посредством приспособления не бывает сильным и бурным. Оно осуществляется тихо, диктуется шаблоном и именно по этой причине часто оказывается недостаточным для усмирения тревоги одиночества. Случаи алкоголизма, наркомании, эротомании и самоубийств в современном западном обществе являются симптомами этой относительной неудачи в приспособлении. Более того, этот выход из проблемы затрагивает, в основном, ум, а не тело, и потому он не идет ни в какое сравнение с оргиастическим решением проблемы. Стадный конформизм обладает только одним достоинством: он стабилен, а не периодичен. Индивид осваивает образец приспособления в возрасте трех-пяти лет, и в последствие уже никогда не утрачивает контакта со стадом. Даже похороны воспринимаются человеком как свое последнее значительное социальное дело, совершаются в строгом соответствии с образцом.

В добавление к приспособлению, как пути спасения от тревоги, порождаемой

одиночеством, следует учитывать другой фактор современной жизни: роль шаблона работы и шаблона развлечений. Человек становится, как говорят, «от девяти до пяти», частью армии рабочих или бюрократической армии клерков и управляющих. У него мало инициативы, его задачи предписаны организацией данной работы, и существует мало различия даже между теми, кто на верху лестницы, и теми, кто внизу. Все они выполняют задачи, предписанные структурой организации, с предписанной скоростью и в предписанной манере. Даже их чувства предписаны: бодрость, терпимость, надежность, чувство собственного достоинства и способность без трений вступать в контакт с другими людьми. Развлечения тоже сходным образом заданы, хотя и не так жестко. Книжки выбираются книжными клубами, фильмы и зрелища – хозяевами театров и кинотеатров, которые оплачивают рекламу. Отдых тоже унифицирован: в воскресенье автомобильная прогулка, сбор у телевизора, партия в карты, дружеская вечеринка. От рождения до смерти, от субботы до субботы, с утра до вечера – все проявления жизни заданы заранее и подчинены шаблону. Как может человек, захваченный в эту сеть шаблона, не забыть, что он человек, уникальный индивид, тот единственный, кому дан его единственный шанс прожить жизнь, с надеждами и разочарованиями, с печалью и страхом, со стремлением любить и ужасом перед уничтожением и одиночеством?

Третий путь обретения единства состоит в творческой деятельности, в том, чтобы стать артистом или мастером. В любом виде творческой работы творческий человек объединяет себя со своим материалом, репрезентирующим внешний мир. Делает ли столяр стол, создает ли ювелир элемент драгоценного изделия, выращивает ли крестьянин свое зерно, рисует ли художник картину, во всех видах творческой деятельности творец и его предмет становятся чем-то единым, в процессе творения человек объединяет себя с миром. Это однако верно только для созидательного труда, труда, в котором я сам планирую, произвожу, вижу результат своего труда. В современном рабочем процессе клерка, рабочего на бесконечном конвейере мало что осталось от этого объединяющего свойства труда. Рабочий стал придатком машины или бюрократической организации. Перестал быть самим собой – а значит для единения не осталось места, если не считать единения приспособления.

Единение, достигаемое в созидательной работе, не межличностно; единение, достигаемое в оргиастическом слиянии, – преходяще; единение, достигаемое приспособлением – это только псевдоединение. Следовательно, они дают только частичные ответы на проблему существования. Полный ответ – в достижении межличностного единения, слияния с другим человеком, в любви.

Желание межличностного слияния – наиболее мощное стремление в человеке. Это наиболее фундаментальное влечение, это сила, которая заставляет держаться вместе членов человеческого рода, клана, семьи, общества. Неудача в его достижении ведет к безумию или уничтожению – уничтожению себя и других. Без любви человечество не могло бы просуществовать и дня. Однако ж, если мы называем достижение межличностного союза любовью, мы сталкиваемся с серьезной трудностью. Слияние может быть достигнуто различными способами, и различие их имеет не меньше значения, чем то общее, что свойственно различным формам любви. Все ли они должны называться любовью? Или мы должны сохранить слово «любовь» только для особенного вида единения, которое имеет идеальную ценность во всех великих гуманистических религиях и философских системах прошедших четырех тысячелетий истории Запада и Востока?

Как и во всех семантических проблемах, ответ может быть только произвольным. Важно, чтобы мы знали, какой вид единения мы имеем в виду, когда говорим о любви. Или мы имеем в виду любовь, как зрелый ответ на проблему существования, или мы говорим о незрелых формах любви, которые могут быть названы симбиотическим союзом. На следующих страницах я буду называть любовью только первую форму. А начну обсуждение «любви» с последней.

Симбиотическое единство имеет свою биологическую модель в отношениях между беременной матерью и отцом. Они являются двумя существами и в то же время чем-то единым. Они живут «вместе» (*sym – biosis*), они необходимы друг другу. Плод – часть

матери, он получает все необходимое ему от нее. Мать это как бы его мир, она питает его, защищает, но также и ее собственная жизнь усиливается благодаря ему. В этом симбиотическом единстве два тела психически независимы, но тот же вид привязанности может существовать и в психологической сфере.

Пассивная форма симбиотического единства – это подчинение, или, если воспользоваться клиническим термином, – мазохизм. Мазохист избегает невыносимого чувства изоляции и одиночества, делая себя неотъемлемой частью другого человека, который направляет его, руководит им, защищает его, является как бы его жизнью и кислородом. Мазохист преувеличивает силу того, кому отдает себя в подчинение: будь то человек или бог. Он – все, я – ничто, я всего лишь часть его. Как часть, я часть величия, силы, уверенности. Мазохист не должен принимать решений, не должен идти ни на какой риск; он никогда не бывает одинок, но не бывает и независим. Он не имеет целостности, он еще даже не родился по-настоящему. В религиозном контексте объект поклонения – идол, в светском контексте в мазохистской любви действует тот же существенный механизм, что и в идолопоклонстве. Мазохистские отношения могут быть связаны с физическим, сексуальным желанием; в этом случае имеет место подчинение, в котором участвует не только ум человека, но и его тело. Может существовать мазохистское подчинение судьбе, болезни, ритмической музыке, оргиастическому состоянию, производимому наркотиком, гипнотическим трансом – во всех этих случаях человек отказывается от своей целостности, делает себя орудием кого-то или чего-то вне себя; он не в состоянии разрешить проблему жизни посредством созидательной деятельности.

Активная форма симбиотического единства это господство, или, используя психологический термин, соотносимый с мазохизмом, – садизм. Садист хочет избежать одиночества и чувства замкнутости в себе, делая другого человека неотъемлемой частью самого себя. Он как бы набирается силы, вбирая в себя другого человека, который ему поклоняется.

Садист зависит от подчиненного человека так же, как и тот зависит от него; ни тот ни другой не могут жить друг без друга. Разница только в том, что садист отдает приказания, эксплуатирует, причиняет боль, унижает, а мазохист подчиняется приказу, эксплуатации, боли, унижению. В реальности эта разница существенна, но в более глубинном эмоциональном смысле не так велика разница, как то общее, что объединяет обе стороны – слияние без целостности. Если это понять, то не удивительно обнаружить, что обычно человек реагирует то по-садистски, то по-мазохистски по отношению к различным объектам. Гитлер поступал прежде всего как садист по отношению к народу, но как мазохист – по отношению к судьбе, истории, «высшей силе» природы. Его конец – самоубийство на фоне полного разрушения – так же характерно, как и его мечта об успехе – полном господстве².

В противоположность симбиотическому единению зрелая любовь это единение при условии сохранения собственной целостности, собственной индивидуальности. Любовь – это активная сила в человеке, сила, которая рушит стены, отделяющие человека от его ближних; которая объединяет его с другими; любовь помогает ему преодолеть чувство изоляции и одиночества; при этом позволяет ему оставаться самим собой, сохранять свою целостность. В любви имеет место парадокс: два существа становятся одним и остаются при этом двумя.

Когда мы говорим о любви, как об активности, мы сталкиваемся с трудностью, заключающейся в двусмысленности слова «активность». Под «активностью», в современном смысле слова, обычно понимают действия, которые вносят изменения в существующую ситуацию посредством затраты сил. Следовательно, человек, считается активным, если он делает бизнес, проводит медицинские исследования, работает на конвейере, мастерит стол или занимается спортом. Общее во всех этих видах активности то, что они направлены на достижение внешней цели. Что здесь не принимается во внимание, так это мотивация активности. Возьмем в качестве примера человека, побуждаемого к непрерывной работе чувством глубокой тревожности и одиночеством, или побуждаемого гордыней, или жадностью к деньгам. Во всех случаях человек является лишь рабом страсти, и его «

активность» на самом деле есть не что иное как «пассивность», потому что он подвергается побуждению, как жертва, а не творец. С другой стороны, человек, сидящий спокойно и размышляющий, не имея иной цели кроме осознания себя и своего единства с миром, считается «пассивным», потому что он не «делает» чего-либо. В действительности, такое состояние сосредоточенной медитации это и есть высшая активность, активность духа, которая возможна только при условии внутренней свободы и независимости. Одна концепция активности – современная – имеет в виду использование энергии на достижение внешних целей; другая концепция активности имеет в виду использование присущих человеку сил независимо от того, осуществляется ли при этом внешнее изменение. Последняя концепция активности наиболее четко сформулирована Спинозой. Он проводил различие между аффектами, между активными и пассивными аффектами, «действиями» и «страстями». В осуществлении активного аффекта человек свободен, он хозяин своего аффекта. В осуществлении пассивного аффекта человек побуждаем чем-то, он объект мотиваций, которых сам не осознает. Таким образом, Спиноза пришел к заключению, что добродетель и сила – одно и то же³. Зависть, ревность, честолюбие, любой вид жадности – это страсти; любовь – это действие, реализация человеческой силы, которая может быть реализована только в свободе и никогда в принуждении.

Любовь – это активность, а не пассивный аффект, это помощь, а не увлечение. В наиболее общем виде активный характер любви можно описать посредством утверждения, что любовь значит прежде всего давать, а не брать.

Что значит давать? Хотя ответ на этот вопрос кажется простым, он полон двусмысленности и запутанности.

Наиболее широко распространено неверное мнение, что давать – это значит отказаться от чего-то, стать лишенным чего-то, жертвовать. Именно так воспринимается акт давания человеком, чей характер не развился выше уровня рецептивной ориентации, ориентации на эксплуатацию или накопление. Торгашеский характер готов давать только в обмен на что-либо. Давать, ничего не получая взамен, это для него значит быть обманутым⁴. Люди, чья главная ориентация не продуктивна, воспринимают давание как обеднение. Поэтому большинство индивидов этого типа отказываются давать. Некоторые делают добродетель из давания в смысле пожертвования. Они считают, что именно потому, что давать мучительно, человек должен давать; добродетель давания для них заключена в самом акте принесения жертвы. Что давать лучше, чем брать – эта норма для них означала бы, что испытывать лишения лучше, чем переживать радость.

Для продуктивного характера давание имеет совершенно иное значение. Давание – это высшее проявление силы. В каждом акте давания я осуществляю свою силу, свое богатство, свою власть. Такое переживание высокой жизнеспособности и силы наполняет меня радостью⁵.

Я чувствую себя уверенным, способным на большие затраты сил, полным жизни и потому радостным. Давать – более радостно, чем брать не потому, что это лишение, а потому, что в этом акте давания проявляется выражение моей жизнеспособности.

Нетрудно осознать истинность этого принципа, прилагая его к различным специфическим явлениям. Наиболее простой пример обнаруживается в сфере секса. Кульминация мужской сексуальной функции состоит в акте давания, мужчина дает себя, свой сексуальный орган женщине. В момент оргазма он дает свое семя, он не может не давать его, если он потентен. Если он не может давать, он – импотент. У женщин этот процесс тот же, хотя и несколько сложнее. Она тоже отдает себя, она открывает мужчине свое женское лоно; получая, она отдает. Если она неспособна к этому акту давания – она фригидна. Акт давания происходит еще и в функции матери, а не любовницы. Она отдает себя развивающемуся в ее утробе ребенку, она отдает свое молоко младенцу, она отдает ему тепло своего тела. Ей было бы больно не давать.

В сфере материальных вещей давать означает быть богатым. Не тот богат, кто имеет много, а тот, кто много отдает. Скупец, который беспокойно тревожится, как бы чего не

лишиться, в психологическом смысле – нищий, бедный человек, несмотря на то, что он много имеет. А всякий, кто в состоянии отдавать себя, – богат. Он ощущает себя человеком, который может дарить себя другим. Только тот, кто лишен самого необходимого для удовлетворения элементарных потребностей, не в состоянии наслаждаться актом давания материальных вещей. Но повседневный опыт показывает, что то, что человек считает минимальными потребностями, во многом зависит как от его характера, так и от его актуальных возможностей. Хорошо известно, что бедняки дают с большей готовностью, чем богачи. Однако бывает такая нищета, при которой уже невозможно давать, и она так унижительна не только потому, что сама по себе причиняет непосредственное страдание, но еще и потому, что она лишает бедняка наслаждения актом давания.

Наиболее важная сфера давания это однако не сфера материальных вещей, а специфически человеческая сфера. Что один человек дает другому. Он дает себя, самое драгоценное из того, что имеет, он дает свою жизнь. Но это не обязательно должно означать, что он жертвует свою жизнь другому человеку. Он дает ему то, что есть в нем живого, он дает ему свою радость, свой интерес, свое понимание, свое знание, свой юмор, свою печаль – все переживания и все проявления того, что есть в нем живого. Этим даванием своей жизни он обогащает другого человека, увеличивает его чувство жизнеспособности. Он дает не для того, чтобы брать; давание само по себе составляет острое наслаждение. Но, давая, он не может не вызывать в другом человеке чего-то такого, что возвращается к нему обратно: истинно давая, он не может не брать то, что дается ему в ответ. Давание побуждает другого человека тоже стать дающим, и они оба разделяют радость, которую внесли в жизнь. В акте давания что-то рождается, и оба вовлеченных в этот акт человека благодарны жизни за то, что она рождает для них обоих. В случае любви это означает, что любовь это сила, которая рождает любовь, а бессилие – это невозможность породить любовь. Эта мысль была прекрасно выражена Марксом. «Предположи теперь, – говорил он, – человека как человека и его отношение к миру как человеческое отношение, в таком случае ты можешь обменять любовь только на любовь, доверие только на доверие и т. д. Если ты хочешь наслаждаться искусством, ты должен быть художественно образованным человеком. Если ты хочешь оказывать влияние на людей, ты должен быть человеком, действительно стимулирующим идвигающим вперед других людей. Каждое из твоих отношений к человеку и к природе должно быть определенным, соответствующим объекту своей воли, проявлением твоей действительно индивидуальной жизни. Если ты любишь, не вызывая взаимности, т. е. твоя любовь как любовь не порождает ответной любви, если ты своим жизненным проявлением в качестве любящего человека не делаешь себя человеком любимым, то твоя любовь бессильна, и она – несчастье»⁶. Но не только в любви давать означает брать. Учитель учится у своих учеников, актера вдохновляют его зрители, психоаналитика лечит его пациент – при условии, что они не воспринимают друг друга как предметы, а связаны друг с другом искренно и продуктивно.

Едва ли стоит подчеркивать, что способность любви, понимаемой как акт давания, зависит от развития характера человека. Она предполагает достижение высокого уровня продуктивной ориентации, в этой ориентации человек преодолевает всемогущее нарциссистское желание эксплуатировать других и накапливать и приобретает веру в свои собственные человеческие силы, отвагу полагаться на самого себя в достижении своих целей. Чем более недостает человеку этих черт, тем более он боится отдавать себя – а значит любить.

Кроме элемента давания действенный характер любви становится очевидным и в том, что она всегда предполагает определенный набор элементов, общих всем формам любви. Это забота, ответственность, уважение и знание.

Что любовь означает заботу, наиболее очевидно в любви матери к своему ребенку. Никакое ее заверение в любви не убедит нас, если мы увидим отсутствие у нее заботы о ребенке, если она пренебрегает кормлением, не купает его, не старается полностью его обиходить; но когда мы видим ее заботу о ребенке, мы всецело верим в ее любовь. Это

относится и к любви к животным и цветам. Если какая-то женщина скажет нам, что любит цветы, а мы увидим, что она забывает их поливать, мы не поверим в ее любовь к цветам. Любовь – это активная заинтересованность в жизни и развитии того, что мы любим. Где нет активной заинтересованности, там нет любви. Этот элемент любви прекрасно описан в притче об Ионе. Бог повелел Ионе пойти в Ниневию предупредить ее жителей, что они будут наказаны, если не сойдут со своих пагубных путей. Иона отказался от этой миссии, потому что боялся, что люди Ниневии раскаются, и бог простит их. Он был человеком с сильным чувством порядка, но не любви. Поэтому при попытке к бегству он оказался в животе кита, символизирующего состояние изоляции и замкнутости, куда его перенесли недостаток любви и солидарности. Бог спасает его, и Иона идет в Ниневию. Он проповедует жителям то, что Бог поведал ему, и случается все то, чего он опасался. Люди Ниневии раскаиваются в своих грехах, исправляют пути свои, и бог прощает их и решает не разрушать город. Иона сильно рассержен и разочарован, он хочет, чтобы восторжествовала справедливость, а не милосердие. Наконец, он находит некоторое утешение в тени дерева, которое Бог заставил вырасти, чтобы защитить Иону от солнца. Но когда Бог заставляет дерево увянуть, Иона впадает в уныние и сердито выражает Богу недовольство. Бог отвечает: «Ты жалеешь растение, ради которого не трудился и которое не растил, которое за одну ночь само выросло и за одну ночь погибло. А я не должен спасти Ниневию, этот большой город, в котором более шести тысяч человек, неспособных различить, что между их правой и левой рукой, да еще много скота?»⁷ Ответ бога Ионе должен быть понят символически. Бог показывает Ионе, что сущность любви – это труд для кого-то и содействие его росту, что любовь и труд нераздельны. Каждый любит то, для чего он трудится, и каждый трудится для того, что он любит.

Забота и заинтересованность ведут к другому аспекту любви: к ответственности. Сегодня ответственность часто понимается как налагаемая обязанность, как что-то навязанное извне. Но ответственность в ее истинном смысле это от начала до конца добровольный акт. Это мой ответ на выраженные или невыраженные потребности человеческого существа. Быть «ответственным» значит быть в состоянии и готовности отвечать». Иона не чувствовал ответственности за жителей Ниневии. Он, подобно Каину, мог спросить: «Разве сторож я брату моему?». Любящий человек чувствует себя ответственным. Жизнь его брата это не только дело самого брата, но и его дело. Он чувствует ответственность за всех ближних, как он чувствует ответственность за самого себя. Эта ответственность в случае матери и ребенка побуждает ее к заботе, главным образом, о его физических потребностях. В любви между взрослыми людьми она касается, главным образом, психических потребностей другого человека.

Ответственность могла бы легко вырождаться в желание превосходства и господства, если бы не было компонента любви: уважения. Уважение – это не страх и благоговение; оно означает в соответствии с корнем слова (*respicere* = to look at) способность видеть человека таким, каков он есть, осознавать его уникальную индивидуальность. Уважение означает желание, чтобы другой человек рос и развивался таким, каков он есть. Уважение, таким образом, предполагает отсутствие эксплуатации. Я хочу, чтобы любимый мною человек рос и развивался ради него самого, своим собственным путем, а не для того, чтобы служить мне. Если я люблю другого человека, я чувствую единство с ним, но с таким, каков он есть, а не с таким, как мне хотелось бы чтоб он был, в качестве средства для моих целей. Ясно, что уважение возможно, только если я сам достиг независимости, если я могу стоять на своих ногах без посторонней помощи, без потребности властвовать над кем-то и использовать кого-то. Уважение существует только на основе свободы: *l'amor est l'enfant de la liberte* – как говорится в старой французской песне, любовь дитя свободы и никогда – господства.

Уважать человека невозможно, не зная его; забота и ответственность были бы слепы, если бы их не направляло знание. Знание было бы пустым, если бы его мотивом не было заинтересованность. Есть много видов знания; знание, которое является элементом любви, не ограничивается поверхностным уровнем, а проникает в самую сущность. Это возможно

только тогда, когда я могу переступить пределы собственного интереса и увидеть другого человека в его собственном проявлении. Я могу знать, например, что человек раздражен, даже если он и не проявляет это открыто; но я могу знать его еще более глубоко: я могу знать, что он встревожен и обеспокоен, чувствует себя одиноким, чувствует себя виноватым. Тогда я знаю, что его раздражение это проявление чего-то более глубинного, и я смотрю на него как на встревоженного и обеспокоенного, а это значит – как на страдающего человека, а не только как на раздраженного.

Знание имеет еще одно, и более основательное, отношение к проблеме любви. Фундаментальная потребность в соединении с другим человеком таким образом, чтобы мочь освободиться из темницы собственной изоляции, тесно связана с другим специфическим человеческим желанием, желанием познать «тайну человека». Хотя жизнь уже и в самих биологических аспектах является чудом и тайной, человек, в его именно человеческих аспектах, является непостижимой тайной для себя самого – и для своих ближних. Мы знаем себя, и, все же несмотря на все наши усилия, мы не знаем себя. Мы знаем своего ближнего; и все же мы не знаем его, потому что мы не вещь и наш ближний – не вещь. Чем глубже мы проникаем в глубины нашего существа или какого-либо иного существа, тем более цель познания удаляется от нас. И все же мы не можем избавиться от желания проникнуть в тайну человеческой души, в то сокровеннейшее ядро, которое и есть «он».

Есть один, отчаянный, путь познать тайну: это путь полного господства над другим человеком, господства, которое сделает его таким, как мы хотим, заставит чувствовать то, что мы хотим; превратит его в вещь, нашу вещь, собственность. Высшая степень такой попытки познания обнаруживается в крайностях садизма, в желании и способности причинять страдания человеческому существу; пытать его, мучениями заставить выдать свою тайну. В этой жажде проникновения в тайну человека, его – и соответственно – нашу собственную тайну, состоит сущностная мотивация глубокой и напряженной жестокости и разрушительности. В очень лаконичной форме эта идея была выражена Исааком Бабелем. Он приводит слова офицера времен русской гражданской войны, который конем затоптал своего бывшего хозяина. «Стрельбой, – я так выскажу, – от человека только отделаться можно: стрельба

– это ему помилование, а себе гнусная легкость, стрельбой до души не дойдешь, где она у человека есть и как она показывается. Но я, бывает, себя не жалею, я, бывает, врага час топчу или более часу, мне желательно жизнь узнать, какая она у нас есть...⁸ Мы часто видим этот путь познания в явной его форме у детей. Ребенок берет какую-либо вещь и разбивает ее ради того, чтобы познать; или он берет живое существо, жестоко обрывает крылья бабочке, чтобы познать ее, выведать ее тайну. Жестокость сама по себе мотивируется чем-то более глубинным: желанием познать тайну вещей и жизни.

Другой путь познания «тайны» – это любовь. Любовь представляет собой активное проникновение в другого человека, проникновение, в котором мое желание познания удовлетворяется благодаря единению. В акте слияния я познаю тебя, я познаю себя, я познаю всех – и я «не знаю» ничего. Я обретаю таким путем – благодаря переживанию единства – знание о том, чем человек жив и на что способен, но это знание невозможно получить благодаря мысли. Садизм мотивирован желанием познать тайну, и все же я остаюсь таким несведущим, каким был и прежде. Я расчленил другое существо на части, и все, чего я достиг – это разрушил его. Любовь – единственный путь познания, который в акте единения отвечает на мой вопрос. В акте любви, отдавания себя, в акте проникновения вглубь другого человека, я нахожу себя, я открываю себя, я открываю нас обоих, я открываю человека.

Страстное желание узнать самих себя и узнать наших ближних выражено в дельфийском призыве «Познай себя». Это основная пружина всей психологии. Но ввиду того, что желание это включает в себе познание всего человека, его сокровеннейшей тайны, то желание это никогда не может быть полностью удовлетворено познанием обычного рода, познанием только посредством мысли. Даже если бы мы знали о себе в тысячу раз больше, то и тогда мы никогда не достигли бы самой сути. Мы все же продолжали бы оставаться

загадкой для самих себя, а также и наши ближние продолжали бы оставаться загадкой для нас. Единственный путь полного знания, это акт любви: этот акт выходит за пределы мысли, выходит за пределы слова. Это смелое погружение в переживание единства. Однако познание мыслью, т. е. психологические знания, это необходимое условие для полного знания в акте любви. Я должен познать другого человека и самого себя объективно, чтобы было возможно увидеть, каков он в действительности или вернее, чтобы преодолеть иллюзии, иррационально искаженный образ его, возникший у меня. Только если я познаю человеческое существо объективно, я могу познать в акте любви его глубочайшую сущность⁹.

Проблема познания человека аналогична религиозной проблеме познания бога. В конвенциональной западной теологии делалась попытка познать бога посредством мысли, рассуждая о боге. Предполагалось, я могу познать бога посредством своей мысли. В мистицизме, который представляет собой последовательный результат монотеизма (как я попытаюсь показать позднее) попытка познать бога посредством мысли была отвергнута и заменена переживанием единства с богом, в котором не оставалось больше места – и необходимости – для рассуждения о боге.

Переживание единства с человеком, или в плане религиозном с богом, не является актом иррациональным. Напротив, как отмечал Альберт Швейцер, это следствие реализма, наиболее смелое и радикальное его следствие. Она основывается на нашем знании фундаментальных, а не случайных границ нашего знания. Это знание, что мы никогда не «ухватим» тайну человека и универсума, но что мы все же можем обрести знание в акте любви. Психология как наука имеет свои пределы, и как логическим следствием теологии является мистицизм, так конечным следствием психологии является любовь.

Забота, ответственность, уважение и знание взаимозависимы. Они представляют собой набор установок, которые должны быть заложены в зрелом человеке, т. е. в человеке, который развивает свои созидательные силы, который хочет иметь лишь то, что он сам создал, который отказывается от нарциссистских мечтаний о всезнании и всемогуществе, который обрел смирение, основанное на внутренней силе, которую может дать только истинно созидательная деятельность.

До сих пор я говорил о любви, как преодолении человеческого одиночества, осуществлении страстного желания единства. Но над всеобщей жизненной потребностью в единстве возвышается более специфическая, биологическая потребность: желание единства мужского и женского полов. Идея этой поляризации наиболее сильно выражена в мифе о том, что первоначально мужчина и женщина были одним существом, потом были разделены на половинки, и поэтому каждая мужская половинка ищет прежнюю женскую часть себя, чтобы объединиться с ней опять. (Та же самая идея первоначального единства полов содержится в библейской истории о том, что Ева была создана из ребра Адама, хотя в этой истории, в духе патриархальности, женщина считается существом второстепенным.) Значение мифа достаточно ясно. Половая поляризация заставляет человека искать единства особым путем, как единства с человеком другого пола. Полярность между мужским и женским началом существует также внутри каждого мужчины и каждой женщины. Как физиологически каждый мужчина и женщина имеют противоположные половые гормоны, также дуполы они и в психологическом отношении. Они несут в самих себе начала, заставляющие получать и проникать вглубь, начала материи и духа. Мужчина и женщина обретают внутреннее единство только в единстве своей мужской и женской полярности. Эта полярность составляет основу всякого созидания.

Женско-мужская полярность также является основой для межличностного созидания. Это очевидно проявляется в биологическом отношении, где единство спермы и яйцеклетки дает основу для рождения ребенка. Но и в чисто психической сфере дело обстоит не иначе; в любви между мужчиной и женщиной каждый из них рождается заново. (Гомосексуальное отклонение – это неспособность достижения поляризованного единства, и следовательно гомосексуалист страдает от непреодолимого одиночества; этой беде подвержен и

гетеросексуалист, неспособный к любви).

Та же самая полярность мужского и женского начал существует и в природе; не только как нечто очевидное в животных и растениях, но также и в полярности двух основных функций, функции получения и функции проникновения вглубь. Есть полярность земли и дождя, реки и океана, ночи и дня, тьмы и света, материи и духа. Эта идея прекрасно выражена великим исламским поэтом и мистиком Руми:

Никогда влюбленный не ищет один, не будучи иском своей возлюбленной.

Когда молния любви ударяет в сердце, Знай, что в этом сердце уже есть любовь.

Когда любовь к богу возрастает в твоём сердце, То, без сомнения, бог полюбил тебя.

Звуки рукоплесканий не в силах Произвести одна рука без другой.

Божественная мудрость все предвидела И она велит нам любить друг друга.

Потому что назначение каждой части мира В том, чтобы образовать пару со своим суженым.

В глазах мудрецов Небо – мужчина, а Земля – женщина, Земля хранит то, что изливается с Неба.

Когда Земле не хватает тепла, Небо его посылает.

Когда она утрачивает свою свежесть, Небо ее возвращает и обновляет Землю.

Небо кружится по своим орбитам, Как муж, заботящийся о благе жены своей.

И Земля занята работой вместе с хозяйками, Помогает при родах и присматривает за младенцами.

Уважай Землю и Небо как наделенных мудростью, Ибо они исполняют работу мудрецов.

Если двое не доставляют наслаждения друг другу, Почему они льнут друг к другу подобно влюбленным?

Без Земли как зацветет цветок и дерево, Но разве и Небо не дало им свое тепло и воду?

Как бог вложил желание в мужчину и женщину, Чтобы продолжать мир от их союза, Так внушил он каждой части существования, Чтобы она желала другой части.

День и Ночь по виду враги, Однако оба служат одной цели.

Любят друг друга ради совершения общего дела Без Ночи природа человека не получала бы того Богатства, которое тратит День10.

Проблема женско-мужской полярности требует дальнейшего рассмотрения темы любви и пола. Я уже говорил прежде об ошибке Фрейда, который видел в любви исключительно выражение – или сублимацию – полового инстинкта вместо того, чтобы признать, что половое желание лишь проявление потребности в любви и единстве. Но ошибка Фрейда лежит глубже. В соответствии со своим физиологическим материализмом он видит в половом инстинкте заданного химическими процессами напряжение в теле, причиняющего боль и ищущего облегчения. Цель полового желания состоит в устранении этого болезненного напряжения; половое удовлетворение состоит в достижении такого устранения. Этот взгляд имеет основание в том смысле, что половое желание действует тем же путем, что и голод или жажда, когда организм не получает достаточного питания. Половое желание, согласно данной концепции, это страстное томление, а половое удовлетворение устраняет это томление. На деле же, если принять эту концепцию сексуальности, то идеалом полового удовлетворения окажется мастурбация. Что Фрейд достаточно парадоксально игнорирует, так это психо-биологический аспект сексуальности, женско-мужскую полярность и желание преодолеть эту полярность путем единения. Этой странной ошибке, вероятно, содействовал крайний патриархализм Фрейда, который вел его к допущению, что сексуальность сама по себе является мужской, и следовательно, заставлял его игнорировать специфически женскую сексуальность. Он выразил эту идею в работе «Три взгляда на теорию пола», говоря, что либидо имеет, как правило, мужскую природу, независимо от того, где либидо проявляется, в мужчине или женщине. Та же идея, в рационализированной форме, выражена в фрейдовской теории, где маленький мальчик воспринимает женщину как кастрированного мужчину, и что сама она для себя ищет

различных компенсаций отсутствия мужских гениталий. Но женщина это не кастрированный мужчина, и ее сексуальность специфически женская и не относится к «мужской природе».

Половое влечение между полами только отчасти мотивировано необходимостью устранения напряженности, основу же ее составляет необходимость единства с другим полом. На деле эротическое влечение выражается не только в половом влечении. Мужественность и женственность наличествуют в характере также, как и в половой функции. Мужской характер может быть определен как способность проникновения вглубь, руководства, активности, дисциплинированности и отважности; женский характер определяется способностью продуктивного восприятия, опеки, реализма, выносливости, материнства. (Следует всегда иметь в виду, что в каждом индивиде обе характеристики смешиваются, но с преобладанием тех черт, которые относятся к «ее» или «его» полу»). Очень часто, если черты мужского характера у мужчины слабы, потому что эмоционально он остался ребенком, он будет стараться компенсировать этот недостаток преувеличенным подчеркиванием своей мужской роли в сексе. Таков Дон Жуан, которому нужно было доказать свою мужскую доблесть в сексе, потому что он неуверен в своей мужественности в плане характера. Когда недостаток мужественности имеет более крайнюю форму, основным – извращенным – заменителем мужественности становится садизм (употребление силы). Если женская сексуальность ослаблена или извращена, это трансформируется в мазохизм или собственничество.

Фрейда критиковали за такую оценку секса. Эта критика часто была вызвана желанием устранить из системы Фрейда элемент, который возбуждал критику и враждебность среди конвенционально мыслящих людей. Фрейд остро чувствовал эту мотивацию и по этой причине отверг всякую попытку изменить свою теорию пола. Действительно, в свое время теория Фрейда имела передовой и революционный характер. Но то, что было истинно для 1900 г., не является более истинным 50 лет спустя. Половые нравы изменились настолько сильно, что теория Фрейда никого больше не шокирует в средних классах Запада, и когда ортодоксальные аналитики сегодня все еще думают, что они смелы и радикальны, защищая фрейдовскую теорию пола, это представляет какую-то донкихотскую разновидность радикализма. На самом деле их направление психоанализа конформистское, и оно даже не пытается познать те психологические вопросы, которые повели бы к критике современного общества.

Моя критика теории Фрейда строится не на том, что он преувеличивал значение секса, а на том, что секс был понят им недостаточно глубоко. Он сделал первый шаг в открытии того значения, какое имеют страсти в межличностных отношениях, в согласии со своими философскими предпосылками он объяснил их физиологически. При дальнейшем развитии психоанализа возникает необходимость откорректировать и углубить фрейдовскую теорию, перенося внимание из физиологического измерения в биологическое и экзистенциальное измерения¹¹.

1Я – римский гражданин 2См. более подробное исследование садизма и мазохизма в кн.: E. Fromm. *Escape from Freedom*. Rinehart and Company. New York. 1941 3Спиноза. *Этика*, IV, Деф. 8.

4См. более подробное рассмотрение этих ориентации характера в кн.: E. Fromm. *Man for Himself*. New York. 1947. chap. III, p.p. 54 – 117.

5Ср. определение радости у Спинозы 6*Nationalökonomie und Philosophie*. 1844. in: Karl Marx. *Die Frühschriften*.

7Пророчество Ионы, IV, 10,11.

8И. Бабель. *Жизнеописание Матвея Родионовича Павличенки*.

9Приведенное утверждение имеет важное следствие для роли психологии в современной западной культуре. Хотя огромная популярность психологии свидетельствует об интересе к познанию человека, она также выдает фундаментальный недостаток любви в человеческих отношениях нынешнего времени. Психологические знания, таким образом, становятся заменителем полного знания в акте любви вместо того, чтобы быть шагом к нему.

10R.A. Nicholson. Rumi. Georg allen and Unwin. Ltd. London. 1950. p.p. 122-123. Перевод Л. Чернышевой.

11Фрейд сам сделал первый шаг в этом направлении в своей поздней концепции инстинктов жизни и смерти. Его концепция творческого начала (эроса), как источника синтеза и объединения, совершенно отлична от его концепции либидо. Но несмотря на то, что теория ин-стинктов жизни и смерти принята ортодоксальными аналитиками, это принятие не повело к фундаментальному пересмотру концепции либидо, особенно, где дело касается клинической работы.

Любовь между родителями и детьми Младенец в момент рождения должен был бы испытывать страх смерти, если бы милостливая судьба не предохранила его от всякого осознания тревоги, связанной с отделением от матери, от внутриутробно-го существования. Даже уже родившись, младенец почти не отличается от себя такого, каким он был до момента рождения; он не может осознать себя и мир, как нечто, существовавшее вне его. Он воспринимает только положительное действие тепла и пищи, и не отличает еще тепло и пищу от их источника: матери. Мать – это тепло, мать – это пища, мать – это эйфорическое состояние удовлетворения и безопасности. Такое состояние, употребляя термин Фрейда, это состояние нарциссизма. Внешняя реальность, люди и вещи имеют значение лишь в той степени, в какой они удовлетворяют или фрустрируют внутреннее состояние тела. Реально только то, что внутри: все, что находится вовне, реально лишь в меру потребностей младенца – а не в смысле объективных собственных качеств.

Когда ребенок растет и развивается, он становится способным воспринимать вещи как они есть; удовлетворение в питании становится отличным от соска; грудь от матери. В конце концов ребенок воспринимает жажду, удовлетворение молоком, грудь и мать как различные сущности. Он научается воспринимать много других вещей как различные, как имеющие свое собственное существование. С этой поры он учится давать им имена. Через некоторое время он учится обходиться с ними, узнает, что огонь горячий и причиняет боль, материнское тело теплое и приятное, дерево твердое и тяжелое, бумага светлая и рвется. Он учится обходиться с людьми: мать улыбается, когда я ем, она берет меня на руки, когда я плачу, она похвалит меня, если я облегчусь. Все эти переживания кристаллизуются и объединяются в одном пережива-нии: я любим. Я любим, потому что я – ребенок своей матери. Я любим потому что я беспомощен. Я любим, потому что я прекрасен, чудесен. Я любим, потому что мать нуждается во мне. Это можно выразить в более общей форме: Я любим за то, что я есть, или по возможности еще более точно: Я любим, потому что это я. Это переживание любви матерью – пассивное переживание. Нет ничего, что я сделал для того, чтобы быть любимым – материнская любовь безусловна. Все, что от меня требуется, это быть – быть ее ребенком. Материнская любовь – это блаженство, это покой, ее не нужно добиваться, ее не нужно заслуживать. Но есть и негативная сторона в безусловной материнской любви. Ее не только не нужно заслуживать – ее еще и нельзя добиться, вызвать, контролировать. Если она есть, то она равна блаженству, если же ее нет, это все равно как если бы все прекрасное ушло из жизни – и я ничего не могу сделать, чтобы эту любовь создать.

Для большинства детей в возрасте от 8-10 1/2 лет1 проблема почти исключительно в том, чтобы быть любимым – быть любимым за то, что они есть. Ребенок младше этого возраста еще не способен любить; он благодарно и радостно принимает то, что он любим. С указанной поры в развитии ребенка появляется новый фактор: это новое чувство способности возбуждать своей собственной активностью любовь. В первый раз ребенок начинает думать о том, как бы дать что-нибудь матери (или отцу), создать что-нибудь – стихотворение, рисунок или что бы то ни было. В первый раз в жизни ребенка идея любви из желания быть любимым переходит в желание любить, в сотворение любви. Много лет пройдет с этого первого шага до зрелой любви. В конце концов, ребенку, может быть уже в юношеском возрасте, предстоит преодолеть свой эгоцентризм; другой человек утратит

значение всего лишь средства для удовлетворения его собственных потребностей. Потребности другого человека становятся также важны, как собственные – на деле же они становятся даже более важными. Давать становится куда более приятно, более радостно, чем получать; любить даже более важно, чем быть любимым. Любя, человек покидает тюрьму своего одиночества и изоляции, которые образуются состоянием нарциссизма и сосредоточенности на себе. Человек чувствует смысл нового единства, объединения, слиянности. Более того, он чувствует возможность возбуждать любовь своей любовью – и ставит ее выше зависимости получения, когда любят его – из-за того, что он мал, беспомощен, болен – или «хорош». Детская любовь следует принципу: «Я люблю, потому что я любим». Зрелая любовь следует принципу: «Я любим, потому что я люблю». Незрелая любовь говорит: «Я люблю тебя, потому что я нуждаюсь в тебе». Зрелая любовь говорит: «Я нуждаюсь в тебе, потому что я люблю тебя».

С развитием способности любить тесно связано развитие объекта любви. Первые месяцы и годы это тот период жизни, когда ребенок наиболее сильно чувствует привязанность к матери. Эта привязанность начинается с момента рождения, когда мать и ребенок составляют единство, хотя их уже двое. Рождение в некоторых отношениях изменяет ситуацию, но не настолько сильно, как могло бы казаться. Ребенок, хотя он теперь уже живет не в утробе, все еще полностью зависит от матери.

Однако день за днем он становится все более независимым: он учится ходить, говорить, самостоятельно открывать мир; связь с матерью не-сколько утрачивает свое жизненное значение и вместо нее все более и более важной становится связь с отцом.

Чтобы понять этот поворот от матери к отцу, мы должны принять во внимание существенное различие между материнской и отцовской любовью. Материнская любовь по самой своей природе безусловна. Мать любит новорожденного младенца, потому что это ее дитя, потому что с появлением этого ребенка решилось нечто важное, удовлетворились какие-то ожидания. (Конечно, когда я говорю здесь о материнской и отцовской любви, я говорю об «идеальных типах» – в понимании Макса Вебера или об архетипе в юнгианском понимании – и не полагаю, что каждый мать и отец любят именно так. Я имею в виду отцовское и материнское начало, которое представляло в личности матери и отца). Безусловная любовь восполняет одно из глубочайших томлений не только ребенка, но и каждого человеческого существа; с другой стороны, быть любимым из-за собственных достоинств, потому что ты сам заслужил любовь – это всегда связано с сомнениями: а вдруг я не нравлюсь человеку, от которого я хочу любви? А вдруг то, а вдруг это – всегда существует опасность, что любовь может исчезнуть. Далее, «заслуженная» любовь всегда оставляет горькое чувство, что ты любим не сам по себе, что ты любим только потому, что приятен, что ты, в конечном счете, не любим вовсе, а используем. Неудивительно, что все мы томимся по материнской любви, и будучи детьми, и будучи взрослыми. Большинство детей имеют счастье получить достаточно материнской любви (в какой степени – это обсудим позднее). Взрослому человеку удовлетворить то же самое томительное желание намного труднее. При самых удовлетворительных условиях развития оно сохраняется как компонент нормальной эротической любви; часто оно находит выражение в религиозных, а чаще в невротических формах.

Связь с отцом совершенно другая. Мать – это дом, из которого мы уходим, это природа, океан; отец не представляет никакого такого природного дома. Он имеет слабую связь с ребенком в первые годы его жизни, и его важность для ребенка в этот период не идет ни в какое сравнение с важностью матери. Но хотя отец не представляет природного мира, он представляет другой полюс человеческого существования: мир мысли, вещей, созданных –человеческими руками, закона и порядка, дисциплины, путешествий и приключений. Отец – это тот, кто учит ребенка, как узнавать дорогу в мир.

С этой функцией тесно связана та, которая имеет дело с социально-экономическим развитием. Когда частная собственность возникла и когда она могла быть унаследована одним из сыновей, отец начал с нетерпением ждать появления сына, которому он мог бы

оставить свою собственность. Естественно, что им оказывался тот сын, которого отец считал наиболее подходящим для того, чтобы стать наследником, сын, который был более всего похож на отца, и, следовательно, которого он любил больше всех. Отцовская любовь это обусловленная любовь. Ее принцип таков: «Я люблю тебя, потому что ты удовлетворяешь моим ожиданиям, потому что ты исполняешь свои обязанности, потому что ты похож на меня». В обусловленной отцовской любви мы находим, как и в безусловной материнской, отрицательную и положительную стороны. Отрицательную сторону составляет уже тот факт, что отцовская любовь должна быть заслужена, что она может быть утрачена, если человек не сделает того, что от него ждут. В самой природе отцовской любви заключено, что послушание становится основной добродетелью, непослушание – главным грехом. И наказанием за него является утрата отцовской любви. Важна и положительная сторона. Поскольку отцовская любовь обусловлена, то я могу что-то сделать, чтобы добиться ее, я могу трудиться ради нее; отцовская любовь не находится вне пределов моего контроля, как любовь материнская.

Материнская и отцовская установка по отношению к ребенку соответствует его собственным потребностям. Младенец нуждается в материнской безусловной любви и заботе как физиологически, так и психически. Ребенок старше шести лет начинает нуждаться в отцовской любви, авторитете и руководстве отца. Функция матери – обеспечить ребенку безопасность в жизни, функция отца – учить его, руководить им, чтобы он смог справиться с проблемами, которые ставит перед ребенком то общество, в котором он родился. В идеальном случае материнская любовь не пытается помешать ребенку взрослеть, не пытается назначить награду за беспомощность. Мать должна иметь веру в жизнь, не должна быть тревожной, чтобы не заражать ребенка своей тревогой. Частью ее жизни должно быть желание, чтобы ребенок стал независимым, и, в конце концов, отделился от нее. Отцовская любовь должна быть направляема принципами и ожиданиями; она должна быть терпеливой и снисходительной, а не угрожающей и авторитетной. Она должна давать растущему ребенку все возрастающее чувство собственной силы и, наконец, позволить ему стать самому для себя авторитетом и освободиться от авторитета отца.

В конечном счете, зрелый человек приходит к тому моменту, когда он сам становится и своей собственной матерью и своим собственным отцом. Он обретает как бы материнское и отцовское сознание. Материнское сознание говорит: «Нет злодеяния, нет преступления, которое могло бы лишить тебя моей любви, моего желания, чтобы ты жил и был счастлив». Отцовское сознание говорит: «Ты совершил зло, ты не можешь избежать последствий своего злого поступка, и если ты хочешь, чтобы я любил тебя, ты должен прежде всего исправить свое поведение». Зрелый человек внешне становится свободен от материнской и отцовской фигур, он строит их внутри себя. Однако вопреки фрейдовскому понятию сверх-Я, он строит их внутри себя не инкорпорируя мать и отца, а строя материнское сознание на основе своей собственной способности любить, а отцовское сознание на своем разуме и здравом смысле. Более того, зрелый человек соединяет в своей любви материнское и отцовское сознание несмотря на то, что они, казалось бы, противоположны друг другу. Если бы он обладал только отцовским сознанием, он был бы злым и бесчеловечным. Если бы он обладал только материнским сознанием, он был бы склонен к утрате здравого суждения и препятствовал бы себе и другим в развитии.

В этом развитии от матерински-центрированной к отцовски-центрированной привязанности и их окончательном синтезе состоит основа духовного здоровья и зрелости. Недостаток этого развития составляет причину неврозов. Хотя более полное развитие этой мысли выходит за пределы данной книги, все же несколько кратких замечаний могут послужить прояснению этого утверждения.

Одну причину невротического развития можно обнаружить в том, что мальчик имел любящую, но излишне снисходительную или властную мать и слабого и безразличного отца. В этом случае он может остаться зафиксированным на ранней привязанности к матери и развиваться в человека, который зависит от матери, чувствует беспомощность, обладает ярко

выраженными чертами рецептивного характера, склонного подвергаться влиянию, быть опекаемым, нуждаться в заботе, и которому недостает отцовских качеств – дисциплины, независимости, способности самому быть хозяином своей жизни. Он может стараться найти «мать» в смысле авторитета и власти в ком угодно, как в женщинах, так и в мужчинах. Если же, с другой стороны, мать холодна, неотзывчива и властна, он может перенести потребность в материнской опеке на своего отца и на последующие отцовские образы – в этом случае конечный результат схож с предыдущим. Или он разовьется в человека, односторонне ориентированного на отца, полностью подчиненного принципам закона, порядка и авторитета, и лишенного способности ожидать и получать безусловную любовь. Это развитие будет все усиливаться, если отец авторитарен и в то же время сильно привязан к сыну. Что характерно для всех невротических развития, так это то, что одного начала – или отцовского, или материнского – недостаточно для развития. А в случае более тяжелого невротического развития, роли матери и отца смешиваются в отношении человека к своим внешним проявлениям и в отношении человека к этим внутренним ролям. Дальнейшее исследование может показать, что определенные типы неврозов, как, например, маниакальный невроз, развиваются в большей степени на основе односторонней привязанности к отцу, тогда как другие типы, вроде истерии, алкоголизма, неспособности утверждать себя и бороться за жизнь реалистически, а также депрессии, являются результатом центрированности на матери.

1 Ср. описание этого развития у Саллиуэна в кн. *The Interpersonal Theory of Psychiatry*/W/W/ Norton and Co/ New York 1953.

3. Объекты любви Любовь это не обязательно отношение к определенному человеку; это установка, ориентация характера, которая задает отношения человека к миру вообще, а не только к одному «объекту» любви. Если человек любит только какого-то одного человека и безразличен к остальным близким, его любовь это не любовь, а симбиотическая зависимость или преувеличенный эгоизм. Большинство людей все же уверены, что любовь зависит от объекта, а не способности. Они даже уверены, что это доказывает силу их любви, раз они не любят никого, кроме «любимого» человека. Здесь то же заблуждение, о котором уже упоминалось выше. Поскольку они не понимают, что любовь это активность, сила духа, они думают, что главное – это найти правильный объект, а дальше все пойдет само собой. Эту установку можно сравнивать с установкой человека, который хочет рисовать, но вместо того, чтобы учиться живописи, твердит, что он просто должен дождаться правильного объекта; и когда найдет его, то будет рисовать великолепно. Но если я действительно люблю какого-то человека, я люблю всех людей, я люблю мир, я люблю жизнь. Если я могу сказать кому-то «я люблю тебя», я должен быть способен сказать «я люблю в тебе все», «я люблю благодаря тебе весь мир, я люблю в тебе самого себя».

Мысль, что любовь – это ориентация, которая направлена на все, а не на что-то одно, не основана, однако, на идее, что не существует различия между разными типами любви, зависимиыми от видов любимого объекта.

а. Братская любовь Наиболее фундаментальный вид любви, составляющий основу всех типов любви, это братская любовь. Под ней я разумею ответственность, заботу, уважение, знание какого-либо другого человеческого существа, желание продлить его жизнь. Об этом виде любви идет речь в Библии, когда говорится: «возлюби ближнего своего, как самого себя». Братская любовь это любовь ко всем человеческим существам; ее характеризует полное отсутствие предпочтения. Если я развил в себе способность любви, я не могу не любить своих братьев. В братской любви наличествует переживание единства со всеми людьми, человеческой солидарности, человеческого единения. Братская любовь основывается на чувстве, что все мы – одно. Различия в талантах, образовании, знании не принимаются в расчет, главное здесь – идентичность человеческой сущности, общей всем людям. Чтобы испытать чувство идентичности, необходимо проникнуть вглубь – от периферии к центру. Если я постиг другого человека лишь поверхностно, я постиг только различия, которые разделяют нас. Если я проник в суть, я постиг нашу идентичность, факт

нашего братства. Это связь центра с центром – а не периферии с периферией – «центральная связь». Или, как это прекрасно выразила Симона Вейл: «Одни и те же слова (например, когда мужчина говорит своей жене: «Я люблю тебя») могут быть банальными или оригинальными в зависимости от манеры, в какой они говорятся. А эта манера зависит от того, из какой глубины человеческого существа они исходят, воля здесь ни при чем. И благодаря чудесному согласию они достигают той же глубины в том человеке, кто слышит их. Таким образом, слушающий, если он обладает хоть какой-либо способностью различения, различит истинную ценность этих слов"¹.

Братская любовь это любовь между равными; но даже равные не всегда «равны». Как люди, все мы нуждаемся в помощи. Сегодня я, завтра ты. Но потребность в помощи не означает, что один беспомощен, а другой всемогущ. Беспомощность это временное состояние; способность обходиться собственными силами это постоянное и общее состояние.

И все же любовь к беспомощному человеку, любовь к бедному и чужому это начало братской любви. Нет достижения в том, чтобы любить человека одной с тобой крови. Животные любят своих детенышей и заботятся о них. Беспомощный любит своего господина, так как от того зависит его жизнь, ребенок любит своих родителей, так как он нуждается в них. Любовь начинает проявляться, только когда мы любим тех, кого не; можем использовать в своих целях. Примечательно, что в Ветхом завете центральный объект человеческой любви – бедняк, чужак, вдова и сирота, и в конце концов национальный враг – египтянин и эдомитянин. Испытывая сострадание к беспомощному существу, человек учится любить и своего брата; любя себя самого, он также любит того, кто нуждается в помощи, слабое, незащищенное человеческое существо. Сострадание включает элемент знания и идентификации. «Вы знаете душу чужого,

– говорится в Ветхом завете, – потому что сами были чужаками в земле Египта, ... поэтому любите чужого!"².

б. Материнская любовь Мы уже касались вопроса материнской любви в предыдущей главе, когда обсуждали разницу между материнской и отцовской любовью. Материнская любовь, как я уже говорил, это безусловное утверждение в жизни ребенка и его потребностей. Но здесь должно быть сделано одно важное дополнение. Утверждение жизни ребенка имеет два аспекта: один – это забота и ответственность, абсолютно необходимые для сохранения жизни ребенка и его роста. Другой аспект выходит за пределы простого сохранения жизни. Это установка, которая внушает ребенку любовь к жизни, которая дает ему почувствовать, что хорошо быть живым, хорошо быть маленьким мальчиком или девочкой, хорошо жить на этой земле! Два этих аспекта материнской любви лаконично выражены в библейском рассказе о творении. Бог создал мир и человека. Это соответствует простой заботе и утверждению существования. Но бог вышел за пределы этого минимального требования. Всякий день после творения природы – и человека – бог говорит: «Это хорошо». Материнская любовь на этой второй ступени заставляет ребенка почувствовать, как хорошо родиться на свет; она внушает ребенку любовь к жизни, а не только желание оставаться жизнеспособным. Та же идея может быть выражена и другим библейским символом. Земля обетованная (земля это всегда материнский символ) описана как «изобилующая молоком и медом». Молоко это символ первого аспекта любви, заботы и утверждения. Мед символизирует радость жизни, любовь к ней, и счастье быть живым. Большинство матерей способны дать «молоко», но лишь меньшинство дает также «мед». Чтобы быть способной давать мед, мать должна быть не только хорошей матерью, но и счастливым человеком, а эта цель достигается немногими. Воздействие матери на ребенка едва ли может быть преувеличено. Материнская любовь к жизни так же заразительна, как и ее тревога. Обе установки имеют глубокое воздействие на личность ребенка в целом: среди детей и взрослых можно выделить тех, кто получил только «молоко», и тех, кто получили и «молоко», и «мед».

В противоположность братской и эротической любви, которые являются формами

любви между равными, связь матери и ребенка это по самой своей природе неравенство, где один полностью нуждается в помощи, а другой дает ее. Из-за альтруистического, бескорыстного характера материнская любовь считается высшим видом любви и наиболее священной из всех эмоциональных связей. Представляется все же, что действительным достижением материнской любви является не любовь матери к младенцу, а ее любовь к растущему ребенку. Действительно, огромное большинство матерей – любящие матери, пока ребенок мал и полностью зависим от них. Большинство матерей хотят детей, они счастливы с новорожденным ребенком и погружены в заботу о нем. И это несмотря на то, что они ничего не получают от ребенка в ответ, кроме улыбки или выражения удовольствия на лице. Эта установка на любовь отчасти коренится в инстинктивной природе, которую можно обнаружить у самок как животных, так и людей. Но наряду с важностью инстинктивного фактора существуют еще специфически человеческие психологические факторы, ответственные за этот тип материнской любви. Один из них может быть обнаружен в нарциссистском элементе материнской любви. Ввиду того, что ребенок воспринимается как часть ее самой, любовь и слепое обожание матери могут быть удовлетворением ее нарциссизма. Другие мотивации могут быть обнаружены в материнском желании власти или обладания. Ребенок, существо беспомощное и полностью зависимое от ее воли, это естественный объект удовлетворения для женщины, властной и обладающей собственническими чертами.

Хотя эти мотивации встречаются часто, они, вероятно, все же менее важны и менее всеобщы, чем мотивация, которая может быть названа потребностью трансцендирования. Потребность в трансцендировании одна из основных потребностей человека, коренящаяся в его самосознании. Он не удовлетворен своей ролью в сотворенном мире, он не может воспринимать себя в качестве игровой кости, наугад брошенной из кубка. Ему необходимо чувствовать себя творцом, выйти за пределы пассивной роли сотворенного существа. Есть много путей достижения удовлетворения творением; наиболее естественный и легкий путь достижения это материнская забота и любовь к ее творению. Она выходит за пределы себя в ребенке, ее любовь к нему придает значение и смысл ее собственной жизни. (В самой неспособности мужчины удовлетворить свою потребность в трансцендировании посредством рождения детей заключена его страстная потребность выйти за пределы себя в творениях рук своих и идей).

Но ребенок должен расти. Он должен покинуть материнское лоно, оторваться от материнской груди, наконец, стать совершенно независимым человеческим существом. Сама сущность материнской любви – забота о росте ребенка – предполагает желание, чтобы ребенок отделился от матери. В этом основное ее отличие от любви эротической. В эротической любви два человека, которые были разделены, становятся едины. В материнской любви два человека, которые были едины, становятся отдельными друг от друга. Мать должна не просто терпеть, а именно хотеть и поддерживать отдаление ребенка. Именно на этой стадии материнская любовь превращается в такую трудную задачу, потому что требует бескорыстности, способности отдавать все и не желать взамен ничего, кроме счастья любимого человека. Именно на этой стадии многие матери оказываются неспособны решить задачу материнской любви. Нарциссистская, властная, с собственнической установкой женщина может успешно быть любящей матерью, пока ребенок мал. Но только действительно любящая женщина, для которой больше счастья в том, чтобы отдавать, чем в том, чтобы брать, которая крепко укоренилась в своем собственном существовании, может быть любящей матерью, когда ребенок начинает отделяться от нее.

Материнская любовь к растущему ребенку, любовь, которая ничего не желает для себя, это, возможно, наиболее трудная форма любви из всех достижимых, и наиболее обманчивая из-за легкости, с которой мать может любить своего младенца. Но именно потому, что это трудно, женщина может стать действительно любящей матерью, только если она способна любить вообще; если она способна любить своего мужа, других детей, чужих людей, всех людей. Женщина, которая не в состоянии любить в этом смысле, может быть нежной

матерью, пока ребенок мал, но она не может быть любящей матерью, чья задача в том, чтобы быть готовой перенести отделение ребенка – и даже после отделения продолжать любить его.

в. Эротическая любовь Братская любовь – это любовь между равными; материнская любовь – это любовь к беспомощному существу. Как бы они ни отличались друг от друга, общее у них то, что они по своей природе не ограничиваются одним человеком. Если я люблю своего брата, я люблю своих братьев: если я люблю своего ребенка, я люблю всех своих детей; более того я люблю всех детей, всех, кто нуждается в моей помощи. Противоположность обоим этим типам любви составляет эротическая любовь, она жаждет полного слияния, единства с единственным человеком. Она по самой своей природе исключительна, а не всеобща; к тому же, вероятно, это самая обманчивая форма любви.

Прежде всего ее часто путают с бурным переживанием «влюбленности», внезапного крушения барьеров, существовавших до этого момента между двумя чужими людьми. Но, как было отмечено ранее, это переживание внезапной близости по самой своей природе кратковременно. После того, как чужой станет близким, нет больше барьеров для преодоления, нет больше неожиданного сближения. Любимого человека познаешь так же хорошо, как самого себя. Или, может, лучше сказать – познаешь так же мало, как самого себя. Если бы познание другого человека шло вглубь, если бы познавалась бесконечность его личности, то другого человека никогда нельзя было бы познать окончательно – и чудо преодоления барьеров могло бы повторяться каждый день заново. Но у большинства людей познание собственной личности, так же как и познание других личностей, слишком поспешное, слишком быстро исчерпывается. Для них близость утверждается прежде всего через половой контакт. Поскольку они ощущают отчужденность другого человека прежде всего как физическую отчужденность, то физическое единство принимают за преодоление отчужденности.

Кроме того существуют другие факторы, которые для многих людей означают преодоление отчужденности. Говорить о собственной личной жизни, о собственных надеждах и тревогах, показать свою детскость и ребячливость, найти общие интересы – все это воспринимается как преодоление отчужденности. Даже обнаружить свой гнев, свою ненависть, неспособность сдерживаться – все это принимается за близость. Этим можно объяснить извращенность влечения друг к другу, которое в супружеских парах часто испытывают люди, кажущиеся себе близкими только тогда, когда они находятся в постели или дают выход своей взаимной ненависти и ярости. Но во всех этих случаях близость имеет тенденцию с течением времени сходить на нет – В результате – поиски близости с новым человеком, с новым чужим. Опять чужой превращается в близкого, опять напряженное и сильное переживание влюбленности. И опять она мало-помалу теряет свою силу и заканчивается желанием новой победы, новой любви – при иллюзии, что новая любовь будет отличаться от прежних. Этим иллюзиям в значительной степени способствует обманчивый характер полового желания.

Половое желание требует слияния, но физическое влечение основывается не только на желании избавления от болезненного напряжения. Половое желание может быть внушено не только любовью, но также и тревогой и одиночеством, жаждой покорять и быть покоренным, тщеславием, потребностью причинять боль и даже унижать. Оказывается, половое желание вызывается или легко сливается с любой другой сильной эмоцией, лишь одной из которых является любовь. Из-за того, что половое желание в понимании большинства людей соединено с идеей любви, они легко впадают в заблуждение, что они любят друг друга, когда их физически влечет друг к другу. Когда желание полового смятения вызвано любовью, то физическая близость лишена жадности, потребности покорять или быть покоренным, но исполнена нежности. Если желание физического соединения вызвано не любовью, если эротическая любовь еще не дополняется братской любовью, это никогда не поведет к единству, которое было бы чем-то большим, чем оргиастическое преходящее единение. Половое влечение создает на краткий миг иллюзию

единства, однако без любви это единство оставляет чужих такими же чужими друг другу, какими они были прежде. Иногда оно заставляет их стыдиться и даже ненавидеть друг друга, потому что когда иллюзия исчезает, они ощущают свою отчужденность еще сильнее, чем прежде. Нежность не означает, как думал Фрейд, сублимацию полового инстинкта; это прямой результат братской любви, и она присутствует как в физической, так и в нефизической формах любви.

В эротической любви есть предпочтительность, которой нет в братской и материнской любви. Этот предпочтительный характер эротической любви требует дальнейшего рассмотрения. Часто предпочтительность эротической любви неверно интерпретируется как привязанность, основанная на обладании. Нередко можно найти двух людей, влюбленных друг в друга и не испытывающих любви больше ни к кому. На самом деле их любовь это эгоизм двоих. Два человека отождествляются друг с другом и решают проблему одиночества, увеличивая единичную индивидуальность вдвое. Они достигают чувства преодоления одиночества, однако, поскольку они отделены от всего остального человечества, они остаются отделенными и друг от друга, и каждый из них отчужден от самого себя. Их переживание единства – иллюзия. Эротическая любовь делает предпочтение, но в другом человеке она любит все человечество, все, что есть живого. Она предпочтительна только в том смысле, что я могу соединить себя целиком и прочно с одним человеком. Эротическая любовь исключает любовь к другим только в смысле эротического слияния, полного соединения во всех аспектах жизни – но не в смысле глубокой братской любви.

Эротическая любовь, как любовь, имеет одну предпосылку. Что я люблю глубинной сутью моего существа – и воспринимаю в другом глубинную суть его или ее существа. В сущности все человеческие существа одинаковы. Мы все часть Единства, мы – единство, А раз так, то не должно быть никакой разницы, кого любить. Любовь должна быть по существу актом воли, решимостью полностью соединить жизнь с жизнью другого человека. На этом построено рациональное обоснование идеи нерасторжимости брака, как и обоснование многих форм традиционного брака, в котором два партнера никогда сами не выбирают друг друга, за них выбирают другие – и однако ж ожидается, что они будут друг друга любить. Для современной западной культуры эта идея оказалась от начала и до конца неприемлемой. Считается, что любовь должна явиться результатом спонтанной, эмоциональной вспышки, внезапно возникшего непреодолимого чувства. С этой точки зрения, важны только характерные особенности двух захваченных порывом индивидов – а не факт, что все мужчины – часть Адама, а все женщины – часть Евы. Эта точка зрения не желает видеть такой важный фактор эротической любви, как воля. Любовь к кому-либо это не просто сильное чувство, – это решимость, это разумный выбор, это обещание. Если бы любовь была только чувством, то не было бы основания обещать любить друг друга вечно. Чувство приходит и уходит. Как я могу знать, что оно останется навечно, если мое действие не включает разумного выбора и решения?

Принимая во внимание все эти точки зрения, можно было бы придти к заключению, что любовь это исключительно акт воли и обязательства, и поэтому в корне безразлично, каковы два человека. Устраивался ли брак другими или он результат индивидуального выбора, однажды этот брак заключен, и акт воли должен гарантировать продолжение любви. Такой взгляд, как представляется, не учитывает парадоксального характера человеческой природы и эротической любви. Мы все – единство, однако каждый из нас уникальное неповторимое существо. В наших отношениях с другими повторяется тот же парадокс. Так как все мы – одно, мы можем любить каждого человека братской любовью. Но ввиду того, что все мы еще и различны, эротическая любовь требует определенных особенных, в высшей степени индивидуальных элементов, которые наличествуют у отдельных людей, но не у всех.

Обе точки зрения – одна, что эротическая любовь это от начала до конца уникальное индивидуальное влечение двух определенных людей, а другая, что эротическая любовь не

что иное как акт воли, – верны. Или, если выразиться более точно, – неверна ни та, ни другая. Так, идея, что отношения могут быть легко расторгнуты, если они безуспешны, ошибочна в той же мере как и идея, что отношения не должны быть расторгнуты ни при каких-обстоятельствах.

г. Любовь к себе 3 Хотя не вызывает возражения применение понятия любви к различным объектам, широко распространено мнение, что любить других людей – добродетельно, а любить себя – грешно. Считается, что в той мере, в какой я люблю себя, я не люблю других людей, что любовь к себе это то же, что и эгоизм. Этот взгляд довольно стар в западной мысли. Кальвин говорил о любви к себе как о «чуме»⁴. Фрейд говорил о любви к себе в психиатрических терминах, однако смысл его суждения такой же, как и у Кальвина. Для него любовь к себе это то же, что и нарциссизм, обращение либидо на самого себя. Нарциссизм являет собой раннюю стадию человеческого развития, и человек, который в позднейшей жизни возвращается к нарциссистской стадии, неспособен любить; в крайних случаях это ведет к безумию. Фрейд утверждал, что любовь это проявление либидо, и если либидо направлено на других людей, то это любовь, а если оно направлено на самого его носителя – то это любовь к себе, Следовательно, любовь и любовь к себе взаимно исключаются в том смысле, что чем больше первая, тем меньше вторая. Если любить себя плохо, то отсюда следует, что не любить себя – добродетельно.

Возникают такие вопросы. Подтверждает ли психологическое исследование тезис, что есть существенное противоречие между любовью к себе и любовью к другим людям? Любовь к себе это тот же феномен, что и эгоизм, или они противоположны? Далее, действительно ли эгоизм современного человека это интерес к себе как к индивидуальности, со всеми его интеллектуальными, эмоциональными и чувственными возможностями? Не стал ли он придатком социо-экономической роли? Тождественен ли эгоизм любви к себе или он является следствием ее отсутствия?

Прежде чем начать обсуждение психологического аспекта эгоизма и любви к себе, следует подчеркнуть наличие логической ошибки в определении, что любовь к другим и любовь к себе взаимно исключают друг друга. Если добродетельно любить своего ближнего, как человеческое существо, должно быть добродетельно – а не пороком – любить и себя, как как я тоже человеческое существо. Нет такого понятия человека, в которое не был бы включен и я сам. Доктрина, которая провозглашает такое исключение, доказывает, что она сама внутренне противоречива. Идея, выраженная в библейском «возлюби ближнего как самого себя», подразумевает, что уважение к собственной целостности и уникальности, любовь к самому себе и понимание себя не могут быть отделены от уважения, понимания и любви к другому индивиду. Любовь к своему собственному «я» нераздельно связана с любовью к любому другому существу.

Теперь мы подошли к основным психологическим предпосылкам, на которых построены выводы нашего рассуждения. В основном эти предпосылки таковы: не только другие, но и мы сами являемся объектами наших чувств и установок; установки по отношению к другим и по отношению к самим себе не только далеки от противоречия, но основательно связаны. В плане обсуждаемой проблемы это означает: любовь к другим и любовь к себе не составляют альтернативы. Напротив, установка на любовь к себе будет обнаружена у всех, кто способен любить других. Любовь, в принципе, неделима в смысле связи между «объектами» и чьими-то собственными «я». Подлинная любовь это выражение созидательности и она предполагает заботу, уважение, ответственность и знание. Это не аффект, в смысле подверженности чьему-то воздействию, а активная борьба за развитие и счастье любимого человека, исходящая из самой способности любить.

Любовь к кому-то это осуществление и сосредоточение способности любить. Основной заряд, содержащийся в любви, направлен на любимого человека как на воплощение существеннейших человеческих качеств. Любовь к одному человеку предполагает любовь к человеку как таковому. «Разделение труда»; как называл это Уильям Джеймс, при котором человек любит свою семью, но не испытывает никакого чувства к «чужому», означает

принципиальную неспособность любить.

Любовь к людям является не следствием, как часто полагают, а предпосылкой любви к какому-то определенному человеку, хотя генетически она выражается в любви к отдельному индивиду.

Из этого следует, что мое собственное «я» должно быть таким же объектом моей любви, как и другой человек. Утверждение моей собственной жизни; счастья, развития, свободы коренится в моей собственной способности любить, т. е. в заботе, уважении, ответственности и знании. Если индивид в состоянии любить созидательно, он любит также и себя; если он любит только других, он не может любить вообще.

Считая, что любовь к себе и любовь к другим в принципе связаны, как мы объясним эгоизм, который; очевидно, исключает всякий истинный интерес к другим? Эгоистичный человек интересуется только собой, желает всего только для себя, чувствует удовлетворение не тогда, когда отдает, а когда берет. На внешний мир он смотрит только с точки зрения того; что он может получить от него; у этого человека отсутствует интерес к потребностям других людей и уважение к их достоинству и целостности. Он не может видеть ничего, кроме самого себя; всё и вся он оценивает с позиции полезности ему; он в принципе не способен любить. Не доказывает ли это, что интерес к другим и интерес к самому себе неизбежно альтернативны? Это было бы так, если бы эгоизм и любовь к себе были тождественны. Но такое предположение как раз и является тем заблуждением, которое ведет к столь многим ошибочным заключениям относительно нашей проблемы. Эгоизм и любовь к себе, ни в коей мере не будучи тождественны, являются прямыми противоположностями.

Эгоистичный человек любит себя не слишком сильно, а слишком слабо, а на самом же деле он ненавидит себя. Отсутствие нежности и заботы о себе, которые составляют только частное выражение отсутствия созидательности, оставляет его пустым и фрустрированным. Он неизбежно несчастен и тревожно силится урвать у жизни удовольствия, получению которых сам же и препятствует. Кажется, что он слишком много заботится о себе, но, в действительности, он только делает безуспешные попытки скрыть и компенсировать свой провал в деле заботы о своем собственном «я». Фрейд придерживается мнения, что эгоистичный человек влюблен в себя, он нарциссист, раз отказал другим в своей любви и направил ее на свою собственную особу. и в самом деле эгоистичные люди неспособны любить других, но они неспособны любить и самих себя.

Легче понять эгоизм, сравнивая его с жадным интересом к другим людям, какой мы находим, например, у чрезмерно заботливой матери. Хотя она искренне убеждена, что очень нежна со своим ребенком, в действительности, она имеет глубоко подавленную враждебность к объекту ее интереса. Ее интерес чрезмерен не потому, что она слишком любит ребенка, а потому, что она вынуждена компенсировать отсутствие у нее способности вообще любить его.

Эта теория природы эгоизма рождена психоаналитическим опытом изучения невротического «отсутствия эгоизма», симптомом невроза, наблюдаемого у немалого количества людей, которые обычно обеспокоены не самим этим симптомом, а другими, связанными с ним, – депрессией, утомляемостью, неспособностью работать, неудачей в любовных делах и тому подобное. Это «отсутствие» эгоизма не только не воспринимается как «симптом», но часто кажется спасительной чертой характера, которой такие люди даже гордятся в себе. Человек, лишенный эгоизма, «ничего не желает для себя», он «живет только для других», гордится тем, что не считает себя сколько-нибудь заслуживающим внимания. Его озадачивает, что, вопреки своей неэгоистичности, он несчастен, и его отношения с самыми близкими людьми неудовлетворительны. Анализ показывает, что отсутствие эгоизма не является чем-то, существующим независимо от других его симптомов. Это один из них, а зачастую и самый главный симптом. У человека парализована способность любить или наслаждаться чем-то, он проникнут враждебностью к жизни и за фасадом неэгоистичности скрыт утонченный, но от этого не менее напряженный эгоцентризм. Такого человека можно вылечить, только если его неэгоистичность будет признана болезненным симптомом в ряду

других симптомов, и будет откорректирована нехватка созидательности у него, которая коренится как в его неэгоистичности, так и в других затруднениях.

Природа неэгоистичности становится особенно очевидной в ее воздействии на других, и наиболее часто в нашей культуре – в воздействии «неэгоистичной» матери на своего ребенка. Она убеждена, что благодаря ее неэгоистичности ее ребенок узнает, что значит быть любимым, и увидит, что значит любить. Результат ее неэгоистичности однако совсем не соответствует ее ожиданиям. Ребенок не обнаруживает счастья человека, убежденного в том, что он любим, он тревожен, напряжен, боится материнского неодобрения и опасается, что не сможет оправдать ожиданий матери. Обычно, он находится под воздействием скрытой материнской враждебности к жизни, которую он скорее чувствует, чем ясно осознает, и в конце концов, он сам заражается этой враждебностью. В целом, воздействие неэгоистичной матери не слишком отличается от воздействия матери-эгоистки; а на деле оно зачастую даже хуже, потому что материнская неэгоистичность удерживает детей от критического отношения к матери. На них лежит обязанность не обмануть ее надежд; под маской добродетели их учат нелюбви к жизни. Если кто-то взялся бы изучать воздействие матери, по-настоящему любящей себя, он смог бы увидеть, что нет ничего более способствующего привитию ребенку опыта любви, радости и счастья, чем любовь к нему матери, которая любит себя.

Эти идеи любви к себе нельзя суммировать лучше, чем цитируя на эту тему Мейсгера Экхарта: «Если ты любишь себя, ты любишь каждого человека так же, как и себя. Если же ты любишь другого человека меньше, чем себя, то в действительности ты не преуспел в любви к себе, но если ты любишь всех в равной мере, включая и себя, ты будешь любить их как одну личность, и личность эта есть и бог и человек. Следовательно, тот великая и праведная личность, кто, любя себя, любит всех других одинаково»⁵.

1Simone Weil. *Gravity and Grace*. G.P. Putnam's Sons. New York.1952. p. 117.

2Та же идея была выражена Германном Коэном в его *Religion der Vernunft aus den Quellen des judentums*. 2-nd edition. J. Kaufmann Verlag. Frankfurt am Main1929. p. 168 ff.

3Пауль Тиллих в рецензии на «Здоровое общество» в *Pastoral Psychology*. September, 1955, выдвинул идею, что легче было бы упразднить двусмысленный термин «любовь к себе» и заменить его термином «естественное самоутверждение» (*natural self-affirmation*) или «парадоксальное самовосприятие» (*paradoxical self-acceptance*). Высоко оценивая *self-love* (Чоте) парадоксальный элемент любви к себе выражен более отчетливо. Выражен тот факт, что любовь это установка, которая охватывает все объекты, включая и меня самого. Не нужно также забывать, что термин «любовь –к себе», в том смысле, в каком он употреблен, здесь имеет свою историю; Библия говорит о любви к себе, когда советует «люби своего ближнего как самого себя». Мейстер Экхард говорит о любви к себе в том же самом смысле.

4John Calvin. *Institutes of the Christian Religion*, translated by J. Albau. Presbyterian Board of Christian Education. Philadelphia. 1928. chap.7. par.4. p.622.

5Мейстер Экхарт. *Проповеди и рассуждения*. М., 1912 .39

д. Любовь к богу Выше утверждалось, что основу нашей потребности в любви составляет переживание одиночества и вытекающая отсюда потребность преодолеть тревогу одиночества посредством переживания единства. Религиозная форма любви, которая называется любовью к богу, в психологическом смысле не является чем-то отличным. Она тоже берет начало в потребности преодолеть отчужденность и достичь единства. Действительно, любовь к богу имеет так же много различных свойств и аспектов, как и любовь к человеку, и в значительной мере мы находим здесь те же самые различия.

Во всех теистических религиях, будь то политические или монотеистические религии, бог означает высшую добродетель, самое желанное благо. Следовательно, специфическое значение бога зависит от того, что составляет наиболее желанное благо для человека. Понимание понятия бога должно поэтому начинаться с анализа структуры характера человека, который поклоняется богу.

Развитие рода человеческого, насколько мы имеем какое-то знание об этом, можно охарактеризовать как отрыв человека от природы, от матери, от уз крови и земли. В начале человеческой истории человек, уже будучи лишен первоначального единства с природой, все еще пытается удержать эти первоначальные связи. Он ищет безопасности, цепляясь за эти первоначальные связи. Он все еще чувствует тождество с миром животных и растений, и пытается сохранить единство с миром природы. Многие примитивные религии свидетельствуют об этой стадии развития. Животное превращается в тотем; в наиболее торжественных религиозных действиях и во время войны надеваются маски животных, животным поклоняются как богу. На более поздней стадии развития, когда человеческое умение уже развилось до уровня ремесла и искусства, когда человек не зависит более исключительно от даров природы

-фруктов, которые он находит, и животных, которых он убивает, – человек превращает в бога продукты своих собственных рук. Это стадия поклонения идолам, сделанным из глины, дерева или золота. Человек проецирует свои собственные силы и умения на сделанные им вещи, и так, в отчужденной форме, поклоняется своей собственной доблести, своим способностям. На еще более поздней стадии человек придает своим богам форму человеческих существ. Вероятно, это могло случиться только тогда, когда он стал больше осознавать себя и когда он открывает себя как высшую и достойнейшую «вещь» в мире. На этой фазе почитания антропоморфного бога мы обнаруживаем развитие в двух направлениях. Одно имеет дело с женской или мужской природой бога, второе – с уровнем достигаемой человеком зрелости, уровнем, который определяет природу его богов и природу его любви к ним.

Давайте сначала поговорим о развитии от матерински-центрированных к отцовски-центрированным религиям. Согласно большим и решающим открытиям Бахофена и Моргана в середине XIX в. и вопреки отрицанию их академическими кругами, вряд ли можно сомневаться, что матриархальная фаза религии предшествовала патриархальной, по крайней мере, во многих культурах. На матриархальной стадии высшим существом была мать. Она – богиня, она также авторитет в семье и обществе. Чтобы понять сущность матриархальной религии, нам достаточно вспомнить, что было сказано о сущности материнской любви. Материнская любовь безусловна, она покровительствует всем, она всеобъемлюща; будучи безусловной, она не может быть проконтролирована или вызвана. Ее наличие дает любимому человеку чувство блаженства, ее отсутствие производит чувство потерянности и отчаяния. Так как мать любит своих детей, потому что они ее дети, а не потому что они хорошие, послушные или исполняют ее желания и приказы, то материнская любовь основана на равенстве. Все люди равны, потому что они все дети матери, все они дети Матери-Земли. Следующая стадия человеческой эволюции, единственная, о которой мы уже имеем достоверное знание и не вынуждены доверяться предположениям и реконструкциям, это патриархальная фаза. В этот период мать утрачивает свое высшее положение и Высшим существом становится отец, как в религии так и в обществе. Природа отцовской любви такова, что отец выдвигает требования, устанавливает принципы и законы, и его любовь к сыну зависит от выполнения сыном этих требований. Отец любит лучшего сына, который похож на него, который наиболее послушен и подходит для того, чтобы стать его преемником и унаследовать его имущество. (Развитие патриархального общества шло рука об руку с развитием частной собственности). Вследствие этого патриархальное общество иерархично. Равенство между братьями уступает место соперничеству и взаимной борьбе. Возьмем ли мы индийскую, египетскую или греческую культуру, культуру еврейско-христианскую или культуру исламской религии, везде мы имеем дело с патриархальным миром, с его мужскими богами, над которыми царствует один главный бог, или где элиминированы все боги за исключением Единственного Бога. Однако так как желание материнской любви не может быть искоренено из сердца человека, трудно удивляться тому, что фигура любящей матери никогда не была полностью исключена из пантеона. В иудейской религии опять вводится материнский аспект божества, особенно в различных

течениях мистицизма. В католической религии мать символизирует церковь и Деву-Богородицу. Даже протестантизмом фигура матери не была полностью изгнана, хотя она и остается скрытой. Лютер установил, как свой основной принцип, что, что бы ни делал человек, он не может этим добыть любви бога. Любовь бога это благодать, религиозная установка – это вера в эту благодать и пребывание малым и беспомощным; благие дела не могут повлиять на бога, или заставить бога любить нас, как постулирует католическая доктрина. Мы можем распознать в католической доктрине добрых дел часть патриархальной картины: я могу добыть отцовскую любовь послушанием и исполнением его приказов. Лютеранская доктрина, с другой стороны, благодаря своему явно патриархальному характеру, несет в себе скрытый матриархальный элемент. Материнская любовь не может быть добыта: она есть, или ее нет. Все, что я могу сделать, это иметь веру (как говорит Псалмопевец «Ты тот, кто дал мне веру, когда я пребывал еще у груди матери моей»)1 и обратиться в беспомощного бессильного ребенка. Но особенность лютеранской веры состоит в том, что фигура матери исключена из очевидной картины и заменена фигурой отца; вместо определенности, даваемой чувством, что ты любим матерью, ее парадоксальной чертой становится напряженное сомнение, надежда на безусловную любовь отца.

Я должен был рассмотреть различие между матриархальными и патриархальными элементами в религии, чтобы показать, что характер любви к богу зависит от соответствующей доли матриархальных и патриархальных аспектов религии. Патриархальный аспект заставляет меня любить бога как отца; я признаю, что он справедлив и суров, что он карает и вознаграждает, что он изберет меня как своего возлюбленного сына, как бог избрал Авраама – Израиля, как Исаак избрал Иакова, как бог избрал свой избранный народ. В матриархальном аспекте религии: я люблю бога как всеобъемлющую мать, я верю в ее любовь, и пусть даже я беден и бессилён, пусть даже я согрешил, она будет любить меня, она не предпочтет мне никого другого из ее детей; что бы ни случилось со мной, она спасет меня, убережет меня, простит меня. Нет нужды говорить, что моя любовь к богу и любовь ко мне нераздельны. Если бог

– это отец, он любит меня как сына, и я люблю его как отца. Если бог – мать, ее и моя любовь определяется этим.

Различие между материнским и отцовским аспектами любви к богу является, однако, только одним фактором, определяющим природу этой любви; другой фактор – уровень зрелости, достигнутой индивидом, а значит и уровень зрелости его понятия бога и его любви к богу.

С тех пор, как эволюция рода человеческого привела от матерински-центрированной к отцовски-центрированной структуре общества и религии, мы можем проследить развитие зрелой любви, главным образом в развитии патриархальной религии2.

В начале этого развития мы находим деспотического, жестокого бога, который считает созданного им человека своей собственностью и имеет право делать с ним все, что угодно. Это та стадия религии, на которой бог изгоняет человека из рая, чтобы тот не вкушал от древа познания добра и зла и не мог сам стать богом; это этап, на котором бог желает при помощи потопа уничтожить род человеческий, потому что никто из людей не любезен ему, за исключением любимого сына Ноя; это этап, на котором бог требует от Авраама, чтобы тот убил своего единственного возлюбленного сына Исаака, высшим актом послушания доказав спую любовь к богу. Но одновременно начинается новый этап: Бог заключает с Ноем договор, в котором обещает никогда не уничтожать человеческий род, договор, которым он ограничивает себя. Он ограничивает себя не только своими обещаниями, но также и собственным прищитом, принципом справедливости и на этой основе бог должен уступить требованию Авраама пощадить Солом, если в нем найдется по крайней мере десять праведников. Но развитие идет дальше, чем превращение бога из фигуры деспотического племенного вождя в любящего отца, который ограничивает себя принципами, им самим постулированными. Оно идет в направлении превращения бога из фигуры отца в символ его принципов, принципов справедливости, истиной любви. Бог – это истина, бог – это

справедливость. В этом развитии Бог перестает быть личным существом, отцом. Он стал символом принципа единства в разнообразии явлений, воображаемом образе цветка, который вырастает из духовного семени в человеке. Бог не может иметь имени. Имя всегда обозначает вещь или личность, нечто конечное. Как может Бог иметь имя, если он не личное существо и не вещь?

Наиболее поразительный случай этой перемены обнаруживается в библейской истории откровения бога Моисею. Когда Моисей сказал богу, что евреи не поверят, что его послал бог, пока он не скажет им имя бога (как могли идолопоклонники понять безымянность бога, если сама сущность идола в том, чтоб иметь имя?), то бог потел на уступки. Он сказал Моисею: „Я – сущий; вот мое имя». „Я сущий» означает, что бог не конечен и не личность, и не „существо". Наиболее адекватный перевод этой фразы: скажи им, «то «мое имя

– безымянность». Запрещение создавать какой-либо образ бога, произносить его имя вслух, наконец вообще произносить его имя, имеет ту же самую цель, что и освобождение человека от идеи; что бог это отец, что он – личность. В последующем теологическом развитии эта идея была развита далее в утверждении, что богу нельзя придавать никакого позитивного атрибута. Сказать о боге, что он мудрый, сильный, благий это опять же представить его как личность; большее, «то я могу сделать, что сказать, что бог это не, констати-ровать негативные атрибуты, постулировать, что он неограниченный, не немудрый, не несправедливый, Чем больше я знаю, что бог это не, тем больше – мое знание о боге.

Следующая зрелая идея монотеизма в его дальнейших следствиях может вести только к ОДНОМУ заключению: не упоминать имя бога вообще, не говорить о боге. Значит, бог стал тем, чем он потенциально является монотеистической теологии, безымянным Единым, чем-то невыразимым, понимаемым как единство, составляющее основу всего феноменального мира, основу всякого существования; бог стал истиной, любовью, справедливостью. Бог это я, насколько сам я – человек.

Вполне очевидно, что эта эволюция от антропоморфизма к чистому монотеистическому принципу повела к изменению понимания природы любви к богу. Бога Авраама можно любить или бояться, как отца, иногда у него доминирует прощение, иногда гнев. Поскольку бог является отцом, то я являюсь ребенком. Я не избавился полностью от аутистического желания всеведения и всемогущества. Я все еще не достиг такой объективности, чтобы всецело признать ограниченность своего челове-ского существа, свое невежество, свою беспомощность. Я все еще требую, как ребенок, чтоб был отец, который спасает меня, опекает меня, наказывает меня, отец, который любит меня, когда я послушен, которому лестна моя хвала и который гневается, если я непослушен. Без сомнения, большинство людей в их личном развитии не преодолевают этой инфантильности и потому вера в бога для большинства людей это вера в помогающего отца – детская иллюзия. Несмотря на то, что это понимание религии было преодолено некоторыми великими учителями рода человеческого и меньшинством людей, оно все еще остается преобладающей формой религии.

А раз так, то критика идеи бога, высказанная Фрейдом, вполне справедлива. Ошибка заключалась лишь в том, что он игнорировал другой аспект монотеистической религии и его истинную суть, логика которой ведет именно к отрицанию этого понятия бога. Истинно религиозный человек, если он следует сущности монотеистической идеи, не молится ради чего-то, не требует чего-либо от бога; он любит бога не так, как ребенок любит своего отца или свою мать; он достигает смирения, чувствует свою ограниченность, зная, что он ничего не знает о боге. Бог становится для него символом, в котором человек на ранней стадии своей эволюции выразил полноту всего того, к чему стремится сам, реальность духовного мира, любви, истины и справедливости. Он верит в принципы, которые представляют «бог», он думает истинно, живет в любви и справедливости, считает свою жизнь ценной только в той мере, в какой она дает ему возможность более полного раскрытия его челове-ческих сил, как единственной реальности, которую он принимает в расчет, как единственного объекта пристального интереса; и, наконец, он не говорит о боге – даже не упоминает его имени.

Любить бога, – если бы он использовал эти слова, – означало бы стремиться к достижению совершенной способности, любить, к осуществлению того, что символизирует собой «бог».

С этой точки зрения, логическим следствием монотеистической мысли является отрицание всякой «теологии», всякого «знания о боге». И все же остается различие между такой радикальной нетеологической точкой зрения и не-теистической системой, как мы находим ее, например, в раннем буддизме или даосизме.

Во всех теистических системах, даже в нетеологических мистических системах, есть полагание реальности духовного мира, как мира трансцендентного человеку, придающего значение и ценность духовным силам человека и его стремлению к спасению и внутреннему рождению. В нетеистической системе не существует духовного мира, внешнего человеку или трансцендентного ему, а мир любви, разума, справедливости существует как реальность только потому и лишь в той степени, в какой человек способен развивать эти силы в себе в процессе своей эволюции. С этой точки зрения, в жизни нет никакого смысла кроме того, какой человек придает ей сам; человек абсолютно одинок, если он не помогает другому человеку. Поскольку я говорил о любви к богу, то хочу пояснить что сам я мыслю не в теистических понятиях; и что для меня понятие бога это только исторически обусловленное понятие, в котором человек на определенном историческом этапе выразил опыт восприятия своих высших сил, свое страстное стремление к истине и единству. Но я думаю также, что следствия строгого монотеизма и нетеистического пристального интереса к духовной реальности это две точки зрения; которые, несмотря на различия, не должны бороться друг с другом.

Здесь однако возникает другое измерение проблемы любви к богу, которое должно быть рассмотрено ради понимания сложности проблемы. Я имею в виду фундаментальное различие в религиозном отношении между Востоком (Китай и Индия) и Западом: это различие может быть выражено в логических понятиях. Со времен Аристотеля западный мир следует логическим принципам аристотелевской философии. Эта логика основывается на законе тождества, который постулирует, что A есть A ; Законе противоречия (A не есть не- A) и законе исключенного третьего (A не может быть одновременно A и не- A , или ни A , ни не- A). Аристотель объяснил это положение весьма точно в следующем высказывании: «Уевозможно, чтобы одно и то же в одно и то же время было и не было присуще одному и тому же в одном и том же отношении (и все другое, что мы могли бы уточнить, пусть будет уточнено во избежание словесных затруднений) – это, конечно, самое достоверное из всех начал.»³ Аксиомы аристотелевской логики так глубоко проникли в наш образ мыслей, что воспринимаются как что-то «естественное» и самоочевидное; в то время, как, с другой стороны, положение, что X это A и не- A , кажется бессмысленным. (Конечно, положение это имеет в виду предмет X в данное время, а не X настоящего и X будущего времени, или один аспект X , противопоставленный другому аспекту).

Противоположностью аристотелевской логике является логика, которая может быть названа парадоксальной; которая предполагает, что A и не- A не исключают друг друга как предикаты X . Парадоксальная логика преобладала в китайском и индийском мышлении, в философии Гераклита, а затем снова под именем диалектики появилась в философии Гегеля и Маркса. Основной принцип парадоксальной логики был точно описан Лао-цзы: «Слова, которые совершенно истинны, кажутся парадоксальными»⁴ и Чжуан-цзы: «То, что одно, – одно. То; что не одно. –тоже одно». Эти формулировки парадоксальной логики положительны:

это есть и этого нет. Другая формулировка отрицательна: это не является ни этим, ни тем. Первую формулировку мы находим в даосизме у Гераклита, и в гегелевской диалектике; последняя формулировка часто встречается в индийской философии.

Хотя более детальное описание различия между аристотелевской и парадоксальной логикой выходило бы за пределы темы данной книги; я все же приведу несколько примеров, чтобы сделать этот принцип более понятны? Парадоксальная логика в западной мысли имеет свое раннее выражение в философии Гераклита. Он полагал конфликт противоположностей

основой всего сущего. «Не понимают они, как Единое, расходящееся с собою, согласуется: противоратное крепление, как у лука и лиры»⁵. «В потоки те же мы входим и не входим, мы есми и не есми (имена остаются, а воды уходят)»⁶. Одно и то же для Единого дурное и благое»⁷.

В философии Лао-цзы та же идея выражена в более поэтической форме. Характерный пример даосистского парадоксального мышления содержится в следующем положении: «Тяжелое является основой легкого, покой есть главное в движении»⁸. Или «Дао постоянно осуществляет деяние, однако нет ничего, что бы оно не делало»⁹. Или «Мои слова легко понять и легко осуществить. Но люди не могут понять и не могут осуществлять»¹⁰. В даосистской мысли, так же как в индийской и сократовской, высшей точкой, которой может достичь мысль, является знание, что мы ничего не знаем, «Кто, имея знания, делает вид, что не знает, тот выше всех. Кто, не имея знаний, делает вид, что знает, тот болен»¹¹. Единственное следствие этой философии в том, что высший бог не может иметь имени. Высшую реальность, высшее Единое нельзя охватить в словах или в мыслях. Как выразил это Лао-цзы, «Дао, которое может быть выражено словами, не есть постоянное дао. Имя, которое может быть названо, не есть постоянное имя»¹². Или в другой формулировке «Смотрю на него и не вижу, а поэтому называю его невидимым. Слушаю его и не слышу, поэтому называю его неслышимым. Пытаюсь схватить его и ни достигаю, поэтому называю его мельчайшим. Не надо стремиться узнать об источнике этого, потому что это едино»¹³. И еще одна формулировка той же идеи «Тот, кто знает, не говорит. Тот, кто говорит, не знает»¹⁴.

Брахманская философия сосредотачивала интерес на отношении между многообразием (феноменами) и единством (Брахманом). Но парадоксальную философию Индии или Китая не следует смешивать с дуалистической точкой зрения. Гармония (единство) заключается в конфликте противоположностей, из которых она образована. «Брахманская мысль с самого начала была сосредоточена на парадоксе одновременных антагонизмов – и в то же время – идентичности проявляющихся сил и форм феноменального мира.»¹⁵ Высшая сила в универсуме, как и в человеке, трансцендентна и понятийной и чувственной сферам. И поэтому она «ни это, ни то». Но, как замечает Циммер, «в этом строго не-дуалистическом понимании нет антагонизма «реального и нереального»¹⁶. В своем поиске единства, скрытого в многообразии, брахманские мыслители пришли к заключению, что постижение пары противоположностей отражает природу не вещей, а постигающего разума. Постигающая мысль должна выйти за пределы самой себя, если она стремится к постижению истинной реальности. Противоречие это категория человеческого разума, но не сам по себе элемент реальности. В Риг-Веде этот принцип выражен в такой форме «Я есмь двумя, силой жизни и материей жизни, двумя одновременно». Конечное следствие идеи, что мысль может осуществлять постижение только в противоречиях, находит еще более решительное продолжение в ведантистском образе мышления, который постулирует, что мысль – со всеми ее тончайшими различиями – представляет собой «только более неуловимый горизонт незнания, на самом деле самый неуловимый из всех иллюзорных проявлений майи»¹⁷.

Парадоксальная логика имеет важное значение для понятия бога. Так как бог представляет высшую реальность и так как человеческий разум постигает реальность в противоречиях, то о боге не может быть высказано никакого утверждения¹⁸. В Веданте идея всеведения и всемогущества бога считается крайней формой незнания. Мы видим здесь связь с безымянностью дао, с безымянным именем бога, открывшего себя Моисею, абсолютным «ничто» Мейстера Экхарта. Человек может знать только отрицание, но ни в коей мере не утверждение высшей реальности. «Итак, не может вообще человек познать, что есть Бог. Одно знает он хорошо: что не есть Бог: «Так, не довольствуясь ничем, разум стремится к обладанию высшим из всех благ»¹⁹ По Мейстеру Экхарту, «Божественное единство это отрицание отрицаний, и отрешение отрешений. Каждое творение содержит в себе отрицание: оно отрицает, что оно нечто другое»²⁰. Единственное дальнейшее следствие в том, что для

Мейстера Экхарта бог становится «абсолютным ничто», так же как высшая реальность в Кабалле это «En Sof», бесконечное единое.

Я рассмотрел различие между аристотелевской и парадоксальной логикой, чтобы подготовить почву для важного различения в понятии любви к богу. Учителя парадоксальной логики говорят, что человек может постигать реальность только в противоречиях и никогда не может постичь в мысли высшую реальность – единство, Единое само по себе. Это ведет к тому, что человек не должен искать как высшей цели ответа именно в мышлении. Мысль может привести нас только к знанию, что она не может дать нам окончательного ответа. Мир мысли оказывается в плену парадокса. Единственный способ, которым мир в его высшем смысле может быть охвачен, состоит не в мышлении, а в действии, в переживании единства. Так, парадоксальная логика ведет к выводу, что любовь к богу это не познание бога мыслью, не мысль о собственной любви к богу, а акт переживания единства с ним.

Это ведет к подчеркиванию значения правильного образа жизни. Все в жизни, всякое мелкое и всякое важное действие, посвящены познанию бога, но познанию не посредством правильной мысли, а посредством правильного действия. Это можно ясно видеть в восточных религиях. В брахманизме, так же как в буддизме и даосизме, высшая цель религии не правильная вера, а правильное действие. То же самое мы находим и в иудейской религии. В иудейской традиции вряд ли когда-либо существовал раскол в вере (единственное «зрительное исключение – расхождение между фарисеями и саддукеями – было расхождением двух противоположных социальных классов). Особое значение в иудейской религии (особенно в начале нашей эры) имел правильный образ жизни, хелах, (Halacha – это слово имеет то же значение; что и дао).

В Новое время тот же принцип был выражен Спинозой, Марксом и Фрейдом. В Философии Спинозы центр в тяжести смещен с правильной веры на правильное поведение в жизни. Маркс утверждал тот же принцип, говоря «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы избежать его». Фрейдовская парадоксальная логика привела его к психоаналитической терапии, все углубляющемуся переживанию человеком самого себя.

С точки зрения парадоксальной логики, суть не в мысли, а в действии. Эта установка ведет к нескольким другим следствиям. Во-первых, она ведет к терпимости, которую мы находим в индийском и китайском религиозном развитии. Если правильная мысль не является высшей истиной и путем к спасению, то нет причины бороться с другими людьми, чья мысль приходит к иным формулировкам. Эта терпимость прекрасно выражена в истории о нескольких людях, которым, предложили описать в темноте слона. Один, прикоснувшись к его хоботу, сказал, что это животное подобно водяной трубе, другой, прикоснувшись к уху, сказал, что это животное подобно вееру, третий, прикоснувшись к ногам, описал животное как столб.

Во-вторых, парадоксальная точка зрения ведет к подчеркиванию значения изменения человека в большей степени, чем значения развития догматов, с одной стороны, и науки, с другой. С индийской, китайской и мистической точек зрения, религиозная задача человека состоит не в том, чтобы думать правильно, а в том, чтобы правильно действовать и/или воссоединиться с Единым в акте сосредоточенного созерцания.

Противоположность этому составляет главное направление западной мысли. Поскольку она надеялась найти высшую истину в правильной мысли, то акцент был сделан на мышлении, хотя правильное действие тоже было признано важным. В религиозном развитии что вело к формулировке догматов, бесчисленным спорам о догматических формулировках, к нетерпимости к «не-верующему» или еретичу. Далее, это вело к подчеркиванию «веры в бога», как основной цели религиозной установки. Это, конечно, не значит, что в западной мысли не было понятия о том, что надо жить правильно. Но все же человек, который верил в бога – даже если он не жил по-божески – чувствовал себя более высоким, чем тот, кто жил по-божески, но не верил в бога.

Сосредоточение внимания на мышлении имеет еще и другое, исторически очень важное, следствие. Идея, что можно найти истину в мысли; ведет не только к догме, но также и к науке. В научной мысли главное; что имеет значение, это правильная мысль, как в аспекте интеллектуальной честности, так и в аспекте применения научной мысли к практике – то есть, в технике.

Короче говоря, парадоксальная мысль ведет к терпимости и усилию в направлении самоизменения. Аристотелевская точка зрения ведет к догме и науке, к католической церкви, и к открытию атомной энергии.

Последствия различия между этими двумя точками зрения на проблему любви к богу уже достаточно полно показаны и необходимо только кратко суммировать их.

В преобладающей на Западе религиозной системе любовь к богу это в сущности то же, что и вера в бога, в божественное существование, божественную справедливость, божественную любовь. Любовь к богу это в сущности мысленный опыт. В восточных религиях и в мистицизме любовь к богу это напряженное чувственное переживание единства, нераздельно соединенное с выражением этой любви в каждом жизненном действии. Наиболее радикальная формулировка этой цели дана Мейстером Экхартом: «Если бы я превратился в бога и он сделал меня единым с собой, то если бы я жил по-божески, не было бы между нами различия. . . Некоторые люди воображают, что они увидят бога так, как если бы он стоял здесь, а они там, но так не может быть. Бог и я: мы одно. Познавая бога, я принимаю его в себя. Любя бога, я проникаю в него»²¹.

Теперь мы можем вернуться к важной параллели между любовью к собственным родителям и любовью к богу. Ребенок начинает жизнь с привязанности к своей матери, «как основе всякого бытия». Он чувствует беспомощность и необходимость всеобъемлющей любви матери. Затем он обращается к отцу, как к новому центру его привязанности; отец становится руководящим началом мысли и действия; на этой стадии ребенок мотивирован необходимостью достичь отцовской похвалы и избежать его недовольства. На стадии полной зрелости он освобождается от матери и отца как опекающих и направляющих сил; он утверждает в самом себе материнский и отцовский принципы. Он становится своим собственным отцом и матерью; он сам есть отец и мать. В истории рода человеческого мы видим – и можем предвидеть наперед – то же развитие: от первоначальной любви к богу, как беспомощной привязанности к матери-богине, через послушную привязанность к богу-отцу, к зрелой стадии, когда бог перестает быть внешней силой, когда человек вбирает в себя принципы любви и справедливости, когда он становится единым с богом, и наконец, к точке, где он говорит о боге только в поэтическом, символическом смысле.

Из этих размышлений следует, что любовь к богу нельзя отделить от любви к своим родителям. Если человек не освобождается от кровной привязанности к матери, клану, народу, если он сохраняет детскую зависимость от карающего и вознаграждающего отца или какого-либо иного авторитета, он не может развить в себе более зрелую любовь к богу; следовательно, его религия является такой, какой она была на ранней стадии развития, когда бог воспринимался как опекающая всех мать или карающий-вознаграждающий отец.

В современной религии мы находим все стадии, от самого раннего и примитивного развития до высшей стадии. Слово «бог» обозначает как племенного вождя, так и «абсолютное ничто». Таким же образом, и каждый индивид сохраняет в себе, в своем бессознательном, как было показано Фрейдом, все стадии, начиная со стадии беспомощного младенца. Вопрос в том, до какой стадии человек дорос. Одно вполне определено: природа его любви к богу соответствует природе его любви к человеку, и далее, действительный характер его любви к богу и человеку часто остается бессознательным, будучи скрыт и рационализирован более зрелой мыслью о том, что есть его любовь. Далее, любовь к человеку, хотя непосредственно она вплетена в его отношения со своей семьей, в конечном счете определяется структурой общества, в котором он живет. Если социальная структура основана на подчинении авторитету – явному авторитету, анонимному авторитету рынка и общественного мнения, – его понятие бога по необходимости оказывается инфантильным и

далеким от зрелости, зерна которой можно найти в истории монотеистической религии.

1 Псалом 22, 9 2 Это мнение особенно верно для монотеистических религий Запада. В индийских религиях фигура матери еще сохраняет значительное влияние, например, в образе богини Кали; в буддизме и даосизме понятие бога – или богини – не имело существенного значения, если не отсутствовало вовсе.

3 Аристотель. Метафизика, 1005 в 20 4 Lao-tse. The Tao The King. The Sacred Books of the East. Vol. XXXIX. London. 1927. p. 120 (Здесь перевод по изд.: Древнекитайская философия, т. 1, М., 1972) 5 Гераклит Эфесский. Фрагменты сочинения, известного позже под названиями «Музы» или «О природе» – в кн. Лукреций Кар. О природе вещей. Приложение, М., «Художественная литература», 1983, с. 262.

6 Там же. с. 265.

7 Там же, с. 264.

8 Дао дэ цзин, § 26 – в кн. Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах, т. 1, М., «Мысль», 1972, с. 122.

9 Там же, § 37, с. 126.

10 Там же, § 70, с. 135.

11 Там же, § 71, с. 136.

12 Там же, § 1, с. 115.

13 Там же, § 14, с. 117.

14 Там же, § 56, с. 131.

15 H.R. Zimmer. Philosophies of India. New York. 1951.

16 Ibid.

17 Ibid. p. 424.

18 Ср. Zimmer. op. cit. p. 424 19 Мейстер Экхарт. Проповеди и рассуждения, «Мусагет», Москва, 1912, с. 84 – 85 20 Там же. Ср. также негативную теологию Маймонида.

21 Мейстер Экхарт. Указ. соч.

4. ЛЮБОВЬ И ЕЕ РАСПАД В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Если любовь это способность зрелого, созидательного характера, то отсюда следует, что способность любить у индивида, живущего в какой-либо определенной культуре, зависит от влияния этой культуры на характер обычного человека. Если мы говорим о любви в современной западной культуре, мы должны отметить, способствует ли социальная структура западной цивилизации и соответствующий этой структуре дух развитию любви. Если так поставить вопрос, то придется ответить на него отрицательно. Объективное наблюдение за нашей западной жизнью не вызывает сомнения, что любовь – братская любовь, материнская любовь и эротическая любовь, это относительно редкое явление, и их место занято неким количеством разных форм псевдолюбви, которые, на деле, являются многочисленными формами разложения любви.

Капиталистическое общество основано на принципе политической свободы, с одной стороны, и принципе рынка, как регулятора всех экономических, а следовательно, и социальных отношений, с другой. Товарный рынок определяет условия, при которых происходит обмен товаров, трудовой рынок регулирует занятость работой и продажу труда. Как полезные вещи, так и полезная человеческая энергия и навыки превращаются в товары, которые обмениваются без применения силы и без обмана согласно условиям рынка. Туфли, хотя они могут быть пригодны и надежны, не имеют экономической ценности (обменной ценности), если на них нет спроса на рынке; человеческая энергия и навыки не имеют обменной ценности, если при существующих рыночных условиях на них нет спроса. Владелец капитала может купить труд и заставить его приносить прибыль своему капиталу.

Владелец труда должен продавать его капиталисту по существующим рыночным условиям, если он не хочет умереть с голоду. Эта экономическая структура отражена в иерархии ценностей. Капитал господствует над трудом; нагромождение вещей, – то, что мертво, – имеет более высокую ценность, чем труд, человеческие силы, – то, что живо.

С самого начала это было основной структурой капитализма. Но хотя она все еще характерна для современного капитализма, однако изменились некоторые факторы, придав современному капитализму его специфические качества и оказав глубокое влияние на характер структуры современного человека. Как результат развития капитализма, мы наблюдаем все возрастающий процесс централизации и концентрации капитала. Большие предприятия беспрерывно растут, меньшие подавляются. Обладание капиталом, инвестированным в эти предприятия, все больше и больше отделяется от функции управления им. Сотни тысяч держателей акций «владеют» предприятием; бюрократический аппарат хорошо оплачиваемых управляющих, которые однако не владеют предприятием, управляет им. Эта бюрократия намного меньше заинтересована в создании максимальной прибыли, чем в расширении предприятий и своей собственной силы. Растущая концентрация капитала и появление могущественной бюрократии управления идет параллельно с развитием рабочего движения. Вследствие организации трудовых объединений отдельный рабочий не должен сам от своего имени выступать в роли продавца своего труда на трудовом рынке; он включен в большие трудовые союзы, также руководимые мощной бюрократией, которая представляет за рабочего в отношениях с индустриальными гигантами. Как в области капитала, так и в области труда, к лучшему или к худшему, инициатива перешла от индивида к бюрократии. Огромное число людей утратили независимость и стали зависимы от управляющих крупных экономических предприятий.

Другая решающая характерная черта, являющаяся результатом концентрации капитала и характеризующая современный капитализм, это специфический способ организации труда. Огромная централизация предприятий при предельном разделении труда ведет к такой организации, при которой индивид теряет свою индивидуальность, становится легко заменимым винтиком в машине. Человеческая проблема капитализма может быть сформулирована так:

Современный капитализм нуждается в людях, которые кооперированы в большие массы и слаженно трудятся сообща; которые хотят потреблять все больше и больше; чьи вкусы стандартизированы, легко могут быть направляемы извне и предвосхищены. Он нуждается в людях, которые чувствуют себя свободными и независимыми, неподвластными какому-либо авторитету или принципу, или совести – и при этом готовы подчиняться приказу, делать то, что от них требуют; без конфликта прилаживаются к социальной машине; ими можно руководить без применения силы, вести без ведущих, заставлять двигаться без какой-либо определенной цели – за исключением цели делать товар, быть в движении, идти вперед.

Что из этого следует? Современный человек отчужден от себя, от своих ближних, от природы¹. Он превращен в товар, свои жизненные силы он воспринимает как инвестицию, которая должна приносить ему максимальную прибыль, возможную при существующих рыночных условиях. Человеческие отношения в сущности являются отношениями отчужденных автоматов, каждый из которых основывает свою безопасность на том, чтобы держаться поближе к стаду и не отличаться от других в мысли, чувстве или действии. Хотя каждый старается быть как можно ближе к остальным, каждый остается крайне одиноким, проникнутым глубоким чувством небезопасности, тревоги и вины, которые всегда появляются там, где человеческое одиночество не может быть преодолено. Наша цивилизация предлагает много паллиативов, помогающих людям не осознавать своего одиночества: во-первых, строгий шаблон бюрократизированного, механизированного труда, который помогает людям оставаться вне осознания своих самых основных человеческих желаний, стремления к трансценденции и единству. Поскольку один этот шаблон не справляется с задачей, человек пытается преодолеть неосознанное отчаяние при помощи

шаблона развлечений, пассивного потребления звуков и зрелищ, предлагаемых развлекательной индустрией, а также удовлетворения от покупки новых вещей и скорой замены их другими. Современный человек, действительно, близок к картине Хаксли, описанной в его «Прекрасном новом мире»: «Хорошо накормленный, хорошо одетый, сексуально удовлетворенный, но не обладающий собственным «я», не имеющий никаких, кроме самых поверхностных, контактов со своими ближними, направляемый лозунгами, которые Хаксли сформулировал так кратко: «Кто страсти любит, тот общество губит» или «Никогда не откладывай на завтра развлечение, которое можешь получить сегодня» или, как коронный принцип: «Теперь каждый счастлив». Человеческое счастье сегодня состоит в том, чтобы развлекаться. Развлекаться это значит получать удовольствие от употребления и потребления товаров, зрелищ, пищи, напитков, сигарет, людей, лекций, книг, кинокартин – все потребляется, поглощается. Мир это один большой предмет нашего аппетита, большое яблоко, большая бутылка, большая грудь; мы – сосунки, вечно чего-то ждущие, вечно на что-то надеющиеся – и вечно разочарованные. Наш характер приспособлен к тому, чтобы обменивать и получать, торговать и потреблять; все предметы, как духовные, так и материальные, становятся предметом обмена и потребления. Там, где дело касается любви, ситуация соответствует по необходимости социальному характеру современного человека. Автоматы не могут любить; они могут обменивать свои «личные пакеты» и надеяться на удачную сделку. Одно из самых значительных выражений любви, и особенно брака с его отчужденной структурой, это идея «слаженности». В статьях о счастливом браке его идеал описывается как идеал исправно функционирующей слаженности. Это описание не слишком отличается от идеи функционирующего служащего: он должен быть «разумно независим», готов к совместной работе, терпим и в то же время честолюбив и агрессивен. Таким образом, как скажет нам брачный адвокат, муж должен «понимать» свою жену и помогать ей. Он должен делать благосклонные замечания по поводу ее нового платья и вкусного блюда. Она, в ответ, должна понимать его, когда он приходит домой усталый и расстроенный, должна внимательно его выслушивать, когда он говорит о своих деловых затруднениях, не сердиться, а понимать его, когда он забывает о ее дне рождения. Весь набор этих видов отношений сводится к хорошо отлаженной связи двух людей, остающихся чужими друг другу на протяжении всей жизни, никогда не достигающих «глубинной связи», но любезных друг с другом и старающихся сделать друг для друга жизнь как можно приятнее.

При таком понимании любви и брака главный акцент делается на отыскании убежища от непереносимого в других случаях чувства одиночества. В «любви» отыскивается, наконец, спасение от одиночества. Создается союз двоих против мира, и этот эгоизм вдвоем ошибочно принимается за любовь и близость.

Подчеркивание духа слаженности, взаимной терпимости и т. д. это явление относительно новое. В годы после первой мировой войны этому предшествовало понятие любви, где в основу удовлетворительных любовных отношений и в особенности счастливого брака было положено обоюдное сексуальное удовлетворение. Были убеждены, что причины множества несчастливых браков надо искать в том, что партнеры в браке не достигали «сексуального соответствия»; причину этой беды видели в незнании «правильного» сексуального поведения, то есть, в незнании сексуальной техники одним или обоими партнерами. Чтобы «излечить» эту беду и помочь неудачливым парам, которые не смогли любить друг друга, многие книги давали инструкции и советы относительно правильного сексуального поведения и обещали, скрыто или явно, что тогда наступит счастье и любовь. Основополагающая идея состояла в том, что любовь дитя сексуального наслаждения, и если два человека научатся сексуально удовлетворять друг друга, то они будут любить друг друга. В соответствии с общей иллюзией времени, считалось, что использование правильной техники это решение не только технических проблем индустриального производства, но также и всех человеческих проблем. Игнорировался тот факт, что истина прямо противоположна этому основополагающему предположению. Любовь не является результатом адекватного сексуального удовлетворения, сексуальное счастье – даже знание

так называемой сексуальной техники – это результат любви. Если бы этот тезис нуждался в ином, кроме повседневного наблюдения, доказательстве, то такое доказательство можно найти в обширном материале психоаналитических данных. Изучение наиболее часто встречающихся сексуальных проблем – фригидность у женщин и более или менее острые формы психической импотенции у мужчин – показывает, что причина здесь не в отсутствии знания правильной техники, а в торможениях, производящих эту неспособность любить. Страх или ненависть к другому полу служат причиной тех трудностей, которые мешают человеку отдаваться полностью, действовать стихийно, непосредственно и просто довериться сексуальному партнеру в физической близости. Если человек с сексуальными торможениями сможет избавиться от страха или ненависти и обретет способность любить, исчезнут и ее или его сексуальные проблемы. Если нет, то не поможет и знание сексуальной техники.

Но в то время как данные психоаналитической терапии указывают на ошибочность идеи, что знание правильной сексуальной техники ведет к сексуальному счастью и любви, благодаря теории «Фрейда основополагающее положение, что любовь сопутствует обоюдному сексуальному удовлетворению, имело огромное влияние. Для Фрейда любовь была, в основном, сексуальным феноменом. «Человек, на опыте убедившись, что половая /генитальная/ любовь приносит ему самое большое удовлетворение, так что, фактически, она для него становится прототипом счастья, вынужден вследствие этого искать свое счастье на пути сексуальных связей, поставить генитальную эротику в центр своей жизни»². Переживание братской любви, по Фрейду, результат сексуального желания, но когда сексуальный инстинкт обращен в импульс, направленный на «запретную цель». Любовь, имеющая целью что-то запретное, была первоначально чувственной любовью и в бессознательном человеке она все еще остается такой. Что касается чувства слиянности, которое является сущностью мистического переживания и источником самого напряженного чувства единства с другим человеком или ближними, то оно было интерпретировано Фрейдом как патологический феномен, как возвращение к состоянию раннего, «неограниченного нарциссизма»³.

Стоит сделать еще только один шаг, чтобы, как Фрейд, счесть любовь, в сущности, иррациональным феноменом. Разница между иррациональной любовью и любовью, как выражением зрелой личности, для него не существует. Он подчеркивал в своей работе о трансференции любви, что любовь, перенесенная на другой объект, в сущности своей не отличается от нормального феномена любви⁴. Влюбленность всегда граничит с ненормальностью, она всегда сопровождается безрассудностью в отношении действительности, подчиненностью слепой силе и является перенесением с объектов детской любви. Любовь как разумный феномен, как вершина достигнутой зрелости, не составляла для Фрейда предмета исследования, поскольку она для него вообще реально не существовала.

Однако будет ошибкой переоценивать влияние идей Фрейда на понимание любви, как результата сексуального влечения, или вернее, как результата сексуального удовлетворения, отражающегося в сознательном чувстве. На самом деле причинная зависимость здесь обратная. Фрейдовские идеи были отчасти внушены духом XIX века, отчасти они стали популярны благодаря настроениям, преобладающим в годы после первой мировой войны. Определенные факторы, которые оказали влияние как на общепринятое, так и на фрейдовское понимание, были прежде всего реакцией на строгие нравы викторианской эпохи. Другой фактор, определивший фрейдовские теории, состоит в преобладании тогда такого понимания человека, которое основано на структуре капитализма. Чтобы доказать, что капитализм соответствует естественным потребностям человека, нужно было доказать, что человек был по природе своей склонен к конкуренции и полон враждебности к другим людям. В то время как экономисты «доказывали» это, говоря о ненасытной жажде экономической наживы, а дарвинисты, говоря о биологическом законе выживания наиболее приспособленных существ, Фрейд пришел к тому же результату, полагая, что мужчиной

руководит безграничное желание сексуального покорения всех женщин, и только давление общества препятствует ему в осуществлении этого желания. В результате, мужчины обязательно завидуют друг другу, и эта взаимная зависть и конкуренция будет продолжаться, даже если для этого исчезнут все социальные и экономические причины⁵.

Наконец, мышление Фрейда находилось в значительной мере под влиянием этого типа материализма, который преобладал в XIX веке. Считалось, что субстратом всех духовных явлений служат явления физиологические, а потому любовь, ненависть, честолюбие, зависть объяснялись Фрейдом, как многочисленные проявления различных форм сексуального инстинкта. Он не замечал, что основополагающая реальность это целостность человеческого существования; во-первых, общая всем людям человеческая ситуация, и во-вторых, практика жизни, заданная специфической структурой общества. (Решительный шаг вперед от этого типа материализма был сделан Марксом в его «историческом материализме», в котором не тела и инстинкты, вроде потребности в пище или имуществе, служат ключом к пониманию человека, а целостный жизненный процесс человека, его «практика жизни»). Согласно Фрейдю, полное и ничем не сдерживаемое удовлетворение всех инстинктивных желаний вело бы к духовному здоровью и счастью. Но очевидные клинические факты показывают, что мужчина – или женщина – которые посвящают свою жизнь неограниченному сексуальному удовлетворению, не достигают счастья и очень часто страдают от острых невротических конфликтов или симптомов. Полное удовлетворение всех инстинктивных потребностей не только не дает основы для счастья, но даже не гарантирует психического здоровья. Все же идея Фрейда могла стать популярной в период после первой мировой войны только вследствие тех изменений, которые произошли в духе капитализма, когда центр тяжести был перенесен с накопления на расходование, с самоограничения, как средства экономического успеха, на потребление, как основу для сверхширокого рынка и главное удовольствие для одержимого тревогой, автоматизированного индивида. Не откладывать удовлетворение какого бы то ни было желания стало главной тенденцией как в сфере секса, так и в сфере всякого материального потребления.

Интересно сравнить понятия Фрейда, соответствующие духу капитализма, когда он еще существовал в нерушимом виде в начале нашего века, с теоретическими понятиями одного из самых блестящих современных психоаналитиков покойного Г. С. Салливена. В психоаналитической системе Салливена мы находим, в противоположность фрейдовской, строгое различие между сексуальностью и любовью.

Что означает любовь и близость в концепции Салливена? «Близость это такой тип ситуации, включающей двух людей, которая дает достаточные возможности для утверждения всех их личных ценностей. Утверждение личной ценности требует такого типа отношений, которые я называю сотрудничеством, а под ним разумею четко сформированную приспособленность поведения одного человека к выраженным потребностям другого человека ради увеличения идентичного, т. е. все более и более полного, взаимного удовлетворения, а также для поддержания возрастающей у обоих безопасности их положения»⁶. Если мы освободим салливиенские утверждения от некоторой языковой сложности, то сущность любви предстанет как ситуация сотрудничества, в котором два человека чувствуют так: «Мы играем по правилам игры, чтобы поддержать наш престиж, чувство превосходства и достоинство»⁷.

Как фрейдовская концепция любви дает описание опыта патриархального самца в условиях капитализма XIX века, так салливиенское описание передает опыт отчужденной, мыслящей рыночными категориями личности XX века. Это описание «эгоизма вдвоем», эгоизма двух людей, объединенных своими общими интересами и противостоящих вместе враждебному и чуждому миру. В действительности, такое описание близости, в принципе, применимо к чувству любого слаженного сотрудничества, в котором каждый «приспосабливает свое поведение к выраженным потребностям другого человека ради общих целей» (пока-зательно, что Салливиен говорит здесь о выраженных потребностях, в то время как любовь предполагает у двух людей реакцию именно на невыраженные

потребности).

Любовь, как взаимное сексуальное удовлетворение, или любовь, как «слаженная работа» и убежище от одиночества это две «нормальные» формы разложения любви в современном западном обществе, социально моделированной патологии любви. Существует много индивидуальных форм патологии любви, которые приводят к сознательному страданию, и их как психиатры, так и все увеличивающееся число непрофессионалов считают невротическими. Некоторые из наиболее часто встречающихся форм кратко описаны в следующих примерах.

Основу невротической любви составляет то, что один или оба «любownika» остаются привязанными к фигуре одного из родителей, и уже будучи взрослыми, переносят чувства, ожидания и страхи, которые испытывали по отношению к отцу или матери, на любимого человека. Эти люди никогда не освобождаются от образа детской зависимости и, став взрослыми, ищут этот образ в своих любовных требованиях. В этих случаях человек остается в смысле чувств ребенком двух или пяти, или двенадцати лет, хотя интеллектуально и социально он находится на уровне своего времени. В наиболее тяжелых случаях эмоциональная незрелость ведет к нарушениям в социальной дееспособности такого человека; в менее тяжелых случаях конфликт ограничивается сферой интимных личных отношений.

Имея в виду наши предыдущие обсуждения матерински– или отцовски-центрированной личности, следующие примеры этого типа невротических любовных отношений, часто встречающихся сегодня, коснутся людей, чье эмоциональное развитие осталось на стадии детской привязанности к матери. Это люди, которые как бы никогда так и не отделились от матери. Они все еще чувствуют себя детьми, жаждут материнской опеки, любви, тепла, заботы и восхищения; жаждут безусловной материнской любви, любви, которая дается по той только причине, что в ней нуждаются они – дети своей матери, они беспомощны. Такие мужчины часто бывают нежны и обаятельны, если стараются возбудить к себе женскую любовь, и даже после того, как добились своего. Но их отношение к женщине (как, фактически, и ко всем другим людям) остается поверхностным и безответственным. Их цель – быть любимыми, а не любить. В мужчине такого типа обычно много пустоты, более или менее прикрытой грандиозными идеями. Если они находят подходящую им женщину, они чувствуют себя беспечными, на вершине мира, и могут проявлять много нежности и обаятельности. Вот почему эти люди часто обманчивы. Но когда, по прошествии некоторого времени, женщина перестает удовлетворять их фантастическим ожиданиям, начинаются конфликты и обиды. Если женщина не всегда восхищается им, если она делает попытки своей собственной жизни, если она хочет быть любима и окружена вниманием, и в крайних случаях, если она не согласна прощать его любовные дела с другой женщиной (или проявлять к ней восхищенный интерес), то мужчина чувствует себя глубоко задетым и разочарованным и обычно рационализирует это чувство посредством идеи, что женщина «не любит его, эгоистка или подавляет его». Все, что не согласуется с отношением любящей матери к своему очаровательному ребенку, расценивается как доказательство отсутствия любви. Такие мужчины обычно смешивают свое нежное поведение, свое желание нравиться с подлинной любовью, а затем приходят к выводу, что с ними обошлись просто нечестно; они воображают себя великими любовниками и горько жалуются на неблагодарность своих любовных партнеров.

В редких случаях такая матерински-центрированная личность может жить без каких-либо тяжелых беспокойств. Если мать в самом деле «любила» ребенка, сосредоточив на нем все свое внимание (возможно, она подавляла его, не оказывая при этом разрушающего воздействия), если такой человек нашел жену того же типа, что и мать, если его особые дарования и таланты позволяют ему использовать свое обаяние и возбуждать восхищение (как иногда в случае с удачливыми политиками), он хорошо приспособляется в социальном смысле, так никогда и не достигнув более высокого уровня зрелости. Но при менее благоприятных условиях – а это случается, естественно, чаще – его любовная, а то и

социальная жизнь, приносит ему серьезные разочарования. Когда такой человек предоставлен сам себе, возникают конфликты, зачастую напряженная тревога и депрессия.

В более тяжелой форме патологии фиксированность на матери глубже и более иррациональна. На этом уровне желание в том, чтобы, образно говоря, вернуться не в материнские заботливые руки или к ее кормящей груди, а в ее – всеприемлющее и всеуничтожающее – лоно. Если сущность психического здоровья в том, чтобы из материнского лона выйти, то сущность душевной болезни в том, чтобы быть принятым в лоно; вернуться в него обратно – и так избавиться от жизни. Этот вид фиксации обычно имеет место в отношении к матерям, которые связывают себя со своим ребенком поглощающе-разрушительным образом. Иногда во имя любви, иногда во имя долга они хотят удержать своего ребенка, юношу, мужчину при себе; он не должен дышать иначе, как через нее, не должен любить иначе, как на поверхностном сексуальном уровне – унижая всех других женщин; он должен быть не свободным и независимым, а вечным калекой или преступником.

С этой стороны предстает отрицательный аспект материнского образа – разрушительный, поглощающий. Мать может дать жизнь и может забрать жизнь. Она та, кто порождает жизнь, и та, кто уничтожает; она может творить чудеса любви – и никто не может причинить больше боли, чем она.

В религиозных образах (таких как индусская богиня Кали) и в символике снов часто можно найти оба этих противоположных аспекта матери.

Другую форму невротической патологии находим в тех случаях, где главное это привязанность к отцу.

В данном случае мать холодна и сдержанна, отец (отчасти вследствие холодности своей супруги) сосредотачивает все свои чувства и интересы на сыне. Он – «хороший отец», но в то же время он авторитарен. Всякий раз как он доволен поведением сына, он хвалит его, дарит подарки, бывает чуток; когда же сын вызывает недовольство отца, он лишает его своей нежности или бранит. Сын, для которого отеческая любовь это единственное, что он имеет, становится по-рабски привязан к отцу. Его главная цель в жизни – нравиться отцу, и когда это удается, он чувствует себя счастливым, беспечным, довольным. Но когда он допускает промахи, или что-то у него выходит не так, или ему не удается доставить отцу удовольствие, он чувствует себя упавшим в глазах отца, нелюбимым, отвергнутым. В последующей жизни такой человек будет стараться найти в ком-либо отцовский образ, чтобы привязаться к такому человеку, как к отцу. Вся его жизнь становится цепью взлетов и падений, в зависимости от того, удастся или нет добиться отцовской похвалы. У таких людей социальная карьера часто бывает очень успешной. Они сознательны, надежны, усердны – при условии, что человек, избранный в качестве отцовского образа, понимает, как ими управлять. Но в своих отношениях с женщиной они остаются сдержанными и держатся на расстоянии. Женщина для них не имеет центрального значения; они обычно относятся к ней с пренебрежительной снисходительностью, часто маскируемой под отеческий интерес к маленькой девочке. Поначалу они часто производят на женщину сильное впечатление своими мужскими качествами, но когда женщина, которую взяли в жены, открывает, что ей выпало играть вторую роль после идущего впереди чувства привязанности к отцовскому образу, который в данное время является главным для мужа, то ее разочарование все возрастает; может однако случиться, что и жена остается привязанной к своему отцу – и тогда она счастлива с мужем, который относится к ней как к капризному ребенку.

Более сложный вид невротического нарушения в любви, основанного на ином виде родительской ситуации, имеет место тогда, когда родители не любят друг друга, но слишком сдержанны, чтобы ссориться или проявлять вовне какие-либо знаки неудовольствия. Отстраненность не позволяет им быть произвольными в своих отношениях к ребенку. Маленькая девочка живет в атмосфере «корректности», эта атмосфера не допускает близкого контакта с отцом или матерью, и, следовательно, девочка оказывается лишенной возможности разрешать свои проблемы и живет бояливой. Она никогда не знает, что

родители чувствуют или думают; в этой атмосфере всегда присутствует элемент неопределенности, таинственности. В результате девочка уходит в свой собственный мир, в мечты наяву, остается отстраненной и сохраняет эту же установку в своих позднейших любовных отношениях.

Далее, эта замкнутость в себе сказывается на развитии напряженной тревожности, чувства недоверия к миру, и часто ведет к мазохистским склонностям, как единственному способу пережить напряженную возбужденность. Часто такая женщина предпочитает, чтобы муж устроил сцену и стал кричать вместо того, чтобы сохранять более нормальное и благоразумное поведение, потому что, по крайней мере, это хоть как-то может снять с нее бремя напряжения и страха; нередко такие женщины бессознательно провоцируют подобное поведение, чтобы избавиться от мучительного состояния эмоциональной нейтральности.

Далее описываются другие часто встречающиеся формы иррациональной любви, без анализа особых факторов детского развития, являющихся их источниками:

Форма псевдолюбви, которая нередко встречается и часто воспринимается (а еще чаще изображается в кинокартинах и романах) как «великая любовь», это любовь-поклонение. Если человек не достиг уровня, на котором он обретает чувство аутентичности, собственного «я», благодаря продуктивной реализации своих собственных возможностей, он имеет склонность «поклоняться» любимому человеку. Он отчужден от своих собственных сил и проецирует их на любимого человека, которого почитает как высшее благо (*summum bonum*), воплощение любви, света, блаженства. В этом процессе он лишает себя всякого ощущения собственной силы, теряет себя в любимом человеке вместо того, чтобы находить себя в нем. Поскольку обычно никакой человек не может в течение долгого времени жить согласно ожиданиям своего поклоняющегося почитателя, то наступает разочарование, и, как лекарство, отыскивается новый идол, иногда так происходит по многу раз. Что характерно для этого типа поклоняющейся любви, так это сила и внезапность любовного переживания на начальном этапе. Эта любовь-поклонение часто описывается как истинная, великая любовь; но хотя она, казалось бы, должна свидетельствовать о силе и глубине любви, на самом деле она лишь обнаруживает голод и отчаяние поклоняющегося. Нет необходимости говорить, что нередко два человека относятся друг к другу с взаимным поклонением, которое иногда, в крайних случаях, представляет образ *folie a deux*.

Другая форма псевдо-любви может быть названа «сентиментальной любовью». Ее сущность в том, что любовь переживается только в фантазии, а не в здесь и сейчас существующих отношениях с другим реальным человеком. Наиболее широко распространенная форма этого типа любви это заместительное любовное удовлетворение, переживаемое потребителем кинокартин и романов с любовными историями, песен о любви. Все неосуществленные желания любви, единства и близости находят удовлетворение в потреблении такой продукции. Мужчина и женщина, которые в отношениях к своим супругам неспособны проникнуть сквозь стену отчужденности, бывают растроганы до слез, когда принимают участие в счастливой или несчастливой любовной истории, разыгрываемой на экране. Для многих пар, смотрящих эти истории в кино, это единственный способ пережить любовь – не друг к другу, а вместе, в качестве зрителей «любви» других людей. Пока любовь существует как сон наяву, они могут принимать в ней участие; но как только они спускаются в мир реальности отношений двух реальных людей, – они становятся холодны.

Другой аспект сентиментальной любви представляет собой абстракция любви во времени. Пара может быть глубоко растрогана воспоминаниями о своей прежней любви, хотя когда это прошлое было настоящим, никакой любви не чувствовалось, – или фантазиями о своей будущей любви. Как много помолвленных или молодоженов мечтают о блаженстве любви, которая придет в будущем, тогда как в данный момент, в котором они живут, они уже начинают скучать друг с другом. Эта тенденция совпадает с общей установкой, характерной для современного человека. Он живет в прошлом или в будущем, но не в настоящем. Он сентиментально вспоминает свое детство и свою мать или строит

счастливые планы на будущее. Переживается ли любовь заместительно, как участие в фиктивных переживаниях других людей, переносится ли она из настоящего в прошлое или будущее, такая абстрактная и отчужденная форма любви служит наркотиком, который облегчает боль реальности, одиночества и отчуждения.

Еще одна форма невротической любви состоит в использовании проективных механизмов для того, чтобы уйти от своих собственных проблем, сосредоточив внимание на недостатках и слабостях «любимого» человека. Индивиды поступают в этом отношении во многом как группы, нации и религии. Они оказываются способными прекрасно разобраться в маленьких недостатках другого человека и блаженно проходят мимо своих собственных, игнорируя их, – всегда поглощенные стремлением обличать или реформировать другого человека.

Если два человека делают это одновременно – как часто и бывает – то отношения любви превращаются в отношения взаимной проекции. Если я властен, или нерешителен, или жаден, я обличаю это в моем партнере и в зависимости от моего характера желаю или излечить его или наказать. Другой человек делает то же самое – и таким образом оба успешно игнорируют свои собственные проблемы и потому не предпринимают никаких шагов, которые помогли бы им в их собственном развитии.

Другая форма проекции это проекция своих собственных проблем на детей. Прежде всего такая проекция часто проявляется в желании иметь ребенка. В таких случаях желание иметь ребенка задается главным образом проекцией проблем своего собственного существования на ребенка. Когда человек чувствует, что он не в состоянии придать смысл своей собственной жизни, он старается обрести этот смысл в ребенке. Но так можно ввергнуть в беду как самого себя, так и своего ребенка. Себя потому, что проблема существования может быть разрешена каждым человеком только внутри самого себя, а не при помощи посредника; ребенка потому, что в человеке могут отсутствовать качества, которые необходимы для воспитания ребенка. Дети служат проективным целям и тогда, когда встает вопрос о расторжении несчастливой браку. Главный аргумент родителей в такой ситуации тот, что они не могут разойтись, чтобы не лишать ребенка благоденствий единой семьи. Всякое тщательное изучение показало бы, однако, что атмосфера напряженности и несчастливости внутри «единой семьи» более вредна для ребенка, чем открытый разрыв – который по крайней мере учит, что человек в состоянии посредством смелого решения изменить непереносимую ситуацию.

Следует упомянуть здесь еще одну часто встречающуюся ошибку. А именно, иллюзию, что любовь обязательно означает отсутствие конфликтов. Так же как люди привыкли думать, что боли и печали надо избегать при любых обстоятельствах, так же они привыкли думать, что любовь означает полное отсутствие конфликтов. И они находят верные доводы в пользу этой идеи в том, что столкновения, которые они видят вокруг, оказываются лишь разрушительным взаимным обменом, который не несет ничего хорошего ни одной из сторон. На самом деле для большинства людей конфликты являются попытками избежать действительных конфликтов. Это скорее несогласие по незначительным и поверхностным вопросам, по самой своей природе не поддающимся прояснению или разрешению. Действительные конфликты между двумя людьми служат не тому, чтобы что-то скрыть или свалить на другого человека, а переживаются на глубоком уровне внутренней реальности, из которой они исходят. Такие конфликты не разрушительны. Они ведут к прояснению, они рождают катарсис, из которого оба человека выходят обогащенными знанием и силой. Это заставляет еще раз подчеркнуть то, о чем говорилось выше.

Любовь возможна, только если два человека связаны друг с другом центрами существования, а значит каждый из них воспринимает себя из глубины своего существования. Только в таком «центральном переживании» состоит человеческая реальность, только здесь жизненность, только здесь основа любви. Любовь, так переживаемая, это постоянный риск, это состояние не отдыха, а движения, роста, работы сообща; наличие гармонии или конфликта, радости или печали является вторичным по

отношению к основному факту, что два человека чувствуют полноту своего существования, в единстве друг с другом каждый из них обретает себя, а не теряет. Есть только одно доказательство наличия любви: глубина отношений, жизненность и сила каждого из любящих: это плод, по которому узнается любовь.

Как автоматы не могут любить друг друга, так не могут они любить и бога. Разложение любви к богу достигло тех же размеров, что и разложение любви к человеку. Этот факт разительно противоречит идее, что мы в данное время являемся свидетелями религиозного ренессанса. Ничего не может быть дальше от истины. Мы свидетели (даже несмотря на некоторые исключения) возврата к идолопоклонскому пониманию бога и превращения любви к богу в нечто, соответствующее структуре отчужденного характера. Возврат к идолопоклонскому понятию бога вполне очевиден. Люди тревожны, у них нет ни принципов, ни веры, они не видят для себя другой цели кроме движения вперед; поэтому они продолжают оставаться детьми, надеяться, что мать или отец придут к ним на помощь, когда эта помощь потребуется.

Конечно, в религиозных культурах, таких как средневековая, обычный человек тоже смотрел на бога как на дающих помощь отца и мать. Но в то же время он принимал бога всерьез в том смысле, что высшей его целью была жизнь в согласии с божьими заповедями; «спасение» составляло то высшее, чему были подчинены все другие действия. Ныне никаких таких усилий не обнаруживается. Повседневная жизнь четко отделена от всех религиозных ценностей. Она посвящена борьбе за материальные блага и за успех на личном рынке. Принципы, на которых основаны наши светские усилия, это принципы безразличия и эгоизма (последний часто величается «индивидуальной инициативой»). Человека истинно религиозных культур можно сравнить с ребенком лет восьми, который нуждается в отце-помощнике, но который старается применять его учения и принципы к своей жизни. Современный человек скорее похож на трехлетнего ребенка, который зовет на помощь отца, когда нуждается в нем, и которому вполне достаточно самого себя, когда он занят игрой.

С этой точки зрения, в детской зависимости от антропоморфного образа бога без изменения жизни, согласно божьим принципам, мы ближе к примитивному племени идолопоклонников, чем к религиозной культуре Средневековья. С другой точки зрения, наша религиозная ситуация обнаруживает черты, которые новы и характерны только для современного западного капиталистического общества. Я могу сослаться на утверждения, сделанные в предыдущей части этой книги. Современный человек превратил себя в товар; он воспринимает свою жизненную энергию как инвестицию, с которой он желал бы получить как можно большую прибыль, учитывая свое положение и ситуацию на личном рынке. Он отчужден от себя, от своих ближних, от природы. Его главная цель – прибыльно обменяться своими умениями, знаниями и самим собой, своим «личным пакетом» с другими людьми, которые в равной мере стремятся к честному и прибыльному обмену. Жизнь не имеет ни цели, – кроме цели двигаться; ни принципов, – кроме принципов честного обмена, ни удовольствия, – кроме удовольствия потреблять.

Что может означать понятие бога в данных обстоятельствах? Оно превратилось из своего первоначального религиозного значения в значение, соответствующее отчужденной культуре успеха. В религиозном оживлении недавних времен вера в бога превратилась в психологический прием, призванный способствовать лучшему приспособлению к конкурентной борьбе.

Религия приравнивается к самовнушению и психотерапии в деле помощи человеку в его деловой деятельности. В 20-х годах еще никто не взывал к богу, чтобы «усовершенствовать свою личность». Бестселлер 1938 г. «Как находить друзей и влиять на людей» Дайла Карнеги ограничился исключительно светским уровнем. Функция книги Карнеги в то время была той же, что и функция нашего величайшего сегодняшнего бестселлера «Сила позитивного мышления» Рэвэрэнда Пила. В этой религиозной книге даже не ставится вопрос, находится ли доминирующая ныне заинтересованность в успехе в согласии с духом монотеистической религии. Напротив, эта высшая цель не подвергается

сомнению, а вера и молитва рекомендуются как средства увеличить собственную способность в достижении удачи. Так же как современные психиатры пекутся о счастье трудящихся, чтобы привлечь клиентуру, так некоторые священники пекутся о любви к богу, чтобы самим оказаться более удачливыми. «Сделай бога своим партнером» – это скорее значит сделай бога своим партнером в бизнесе, чем воссоединись с ним в любви, справедливости и истине. Так как братская любовь заменена безличной ярмаркой, то бог превратился в далекого Генерального директора акционерного общества Вселенной: ты знаешь, что он есть, что он руководит предприятием (хотя, вероятно, оно также могло бы управляться и без него), ты никогда не увидишь его, но ты признаешь его руководство, делая то, что тебе надлежит.

1Ср. более подробное обсуждение проблемы отчуждения и влияния современного общества на характер человека в кн. E. Fromm. *The Sane Society*. New York. 1955.

2S. Freud. *Civilization and its Discontents*. London. 1953. p. 69 3Ibid. p. 21.

4S. Freud. *Gesamte Werke*. London. 1940.-52. vol. X.

5Единственным учеником Фрейда, который так никогда не отделился от учителя, и все же в последние годы своей жизни изменил взгляд на любовь, был Шандор Ференци. Замечательный анализ этого предмета см. в кн.: *The leaven of love* by Izette de Forest. New York. 1954.

6H. S. Sullivan. *The Interpersonal Theory of Psychiatry*. 1953. p. 246. Следует отметить, что хотя Салливен дает определение в связи с подростковыми стремлениями, он говорит о них как об интегративных тенденциях, появляющихся в подростковом возрасте, «которые, когда они полностью разовьются, мы называем любовью!» и утверждает, что эта любовь в подростковом возрасте «представляет начало чего-то, очень похожего на то, что будучи развито, называется психиатрами любовью».

7Там же, с. 246. Другое салливенское определение любви, что она появляется тогда, когда человек чувствует потребности другого человека такими же важными, как свои собственные, в меньшей степени окрашено рыночным духом, чем приведенное выше.

5. ПРАКТИКА ЛЮБВИ

Рассмотрев теоретический аспект искусства любви, мы сейчас стоим перед гораздо более трудной проблемой, проблемой практики искусства любви. Как можно научиться практике какого бы то ни было искусства, не практикуя его?

Трудность проблемы в том, что ныне большинство людей, а значит и многие читатели этой книги, ожидают, что им будут даны предписания, «как сделать это самому», в нашем случае это означает научиться любить. Боюсь, что всякий, кто приступает к этой последней главе с таким настроением, будет глубоко разочарован. Любовь это личное переживание, которое каждый может пережить только сам и для себя; в самом деле, вряд ли найдется хоть кто-то, кто не имеет или не имел этого переживания хотя бы в малой степени, по крайней мере, в детстве, юности, или в зрелом возрасте. Рассмотрение практики любви может сосредоточиться на предпосылках искусства любви и подступах к нему, и осуществлении этих предпосылок и подступов. Шаги к этой цели можно сделать только самостоятельно, а рассмотрение закончится прежде, чем будет сделан решительный шаг. Все же я полагаю, что рассмотрение подступов может помочь в достижении овладения этим искусством, по крайней мере, для тех, кто освободился от ожидания «предписаний».

Практика любого искусства имеет определенные общие требования, независимо от того, имеем ли мы дело с врачебным искусством или искусством любви. Прежде всего практика любого искусства требует дисциплины. Я никогда ни в чем не достигну хороших результатов, если не буду исполнять свое дело дисциплинированно; если я делаю что-то, только когда я «в настроении», это может быть приятным или забавным хобби, но я никогда не стану мастером в этом искусстве. Но проблема не исчерпывается дисциплиной только в практике какого-либо отдельного искусства (заниматься, скажем, определенное количество

часов каждый день), но требует дисциплины всей собственной жизни. Можно подумать, что для современного человека нет ничего легче, чем научиться дисциплине. Разве он не проводит самым дисциплинированным образом восемь часов в день на работе, которая подчинена строгому шаблону? Факт, однако, в том, что современный человек имеет чрезвычайно низкую самодисциплину за пределами рабочей сферы. Когда он не работает, ему хочется быть ленивым, ничего не делать, или, выражаясь покорсивее – «отдыхать». Само это желание безделья в значительной степени является реакцией на строгий шаблон жизни. Из-за того, что человек пребывает в напряжении восемь часов в день, используя свою энергию не для своих собственных целей, не по своему усмотрению, а в предписанном для него ритме работы, он бунтует, и его бунт принимает форму детского потворства себе. К тому же, в борьбе с авторитаризмом он становится недоверчив ко всякой дисциплине, как к принуждению посредством иррационального авторитета, так и к рациональной дисциплине, однако, жизнь становится расхлябанной, хаотичной и лишенной сосредоточенности.

Едва ли нужно доказывать, что сосредоточенность составляет необходимое условие для овладения искусством. Всякий, кто когда-либо пытался обучиться какому бы то ни было искусству, знает это. Сосредоточенность однако еще более редка в нашей культуре, чем самодисциплина. Напротив, наша культура ведет к ни с чем не сравнимой рассредоточенности и беспорядочному образу жизни. Ты делаешь много вещей сразу: читаешь, слушаешь радио, говоришь, куришь, ешь, пьешь. Ты – потребитель с открытым ртом, готовый поглощать все – картины, напитки, знания. Это отсутствие сосредоточенности очевидно, если вспомнить, как трудно нам оставаться наедине с собой. Для большинства людей невозможно сидеть спокойно, не разговаривая, не куря, не читая, не выпивая. Они становятся нервными и взвинченными и должны что-то делать со своим ртом и своими руками. (Курение это один из симптомов такого отсутствия сосредоточенности, оно занимает руку, рот, глаза и нос).

Третий фактор это терпение. Опять же всякий, кто когда-либо пытался заниматься каким-либо искусством, знает, что терпение необходимо, если вы хотите чего-то достичь. Если кто-то гонится за быстрыми результатами, он никогда не научится искусству. Однако для современного человека терпение столь же трудно достижимо, как дисциплина и сосредоточенность. Вся наша современная индустриальная система содействует прямо противоположному – поспешности. Все наши машины предназначены для быстроты: автомобиль и самолет быстро переносят нас к месту назначения – и чем быстрее, тем лучше. Машина, которая может производить то же количество за половину времени, в два раза лучше старой и более медленной машины. Конечно, для этого существуют важные экономические причины. Но как и во многих других отношениях человеческие ценности стали определяться экономическими ценностями. Что хорошо для машины, должно быть хорошо и для человека, – такова логика. Современный человек думает, что он теряет время, когда не действует быстро, однако он не знает, что делать с выигранным временем, кроме как убить его.

Последним условием обучения всякому искусству является высшая заинтересованность в обретении мастерства в этом искусстве. Если искусство не является для него предметом высшей важности, ученик никогда не обучится ему. Он останется, в лучшем случае, хорошим дилетантом, но никогда не станет мастером. Это условие столь же необходимо в искусстве любви, как и в любом другом искусстве. Однако по-видимому, в искусстве любви больше, чем в каком-либо другом искусстве, пропорция между мастерами и дилетантами нарушается в сторону дилетантов. Наряду с общими условиями обучения всякому искусству следует уделить внимание еще одному пункту. Искусству начинают учиться не впрямую, а как бы исподволь. Прежде чем приступить к самому искусству, нужно научиться большому числу, казалось бы, несвязанных вещей. В столярном искусстве ученик начинает с того, что учится строгать доску; начинающий в искусстве игры на фортепьяно начинает с гамм; ученик в дзенском искусстве стрельбы из лука начинает с дыхательных упражнений. Если человек хочет стать мастером в каком-либо искусстве, ему должна быть подчинена вся его

жизнь, или, по крайней мере, она должна быть связана с этим искусством. Собственная личность становится инструментом в практике искусства, инструментом, который нужно поддерживать в таком состоянии, чтобы он мог исполнять свои особые функции. В отношении искусства любви это означает, что тот, кто стремится стать мастером в этом искусстве, должен начать с практикования дисциплины, сосредоточенности, терпения во всех сферах жизни.

Как нужно практиковать дисциплину? Наши деды были, казалось бы, гораздо лучше подготовлены к ответу на этот вопрос. Они рекомендовали вставать рано утром, не предаваться ненужным излишествам, упорно трудиться. Этот тип дисциплины имеет очевидные недостатки. Она была сурова и авторитарна, сосредоточена на ценностях умеренности и бережливости, и во многих отношениях враждебна жизни.

Как реакция на этот вид дисциплины возникла все усиливающая тенденция подозрительности ко всякой дисциплине и ленивого, недисциплинированного потворства своим желанием в остальной жизни, как противовеса и противодействия шаблону жизни, навязываемому нам в течение восьми часов рабочего времени. Вставать в определенное время, посвящать определенное количество времени в течение дня таким действиям, как размышление, чтение, слушание музыки, прогулка; не предаваться, по крайней мере сверх определенного минимума, отклоняющимся действиям вроде чтения детективов и просмотра кинофильмов не переедать и не перепивать – вот несколько ясных и простых правил. Однако сущность в том, что дисциплина не может практиковаться как какие-то извне навязанные правила. Надо, чтобы она стала выражением собственной воли человека, воспринималась как что-то приятное. Надо постепенно приучить себя к такому поведению, чтоб нехватка дисциплины сразу почувствовалась, если перестанешь ее исполнять. Один из неудачных аспектов нашей западной концепции дисциплины (как и всякой добродетели) отражает мнение, что ее практикование должно быть чем-то мучительным, и только если эта мука наличествует, то тогда «все хорошо». Восток давно осознал, что то, что хорошо для человека – для его тела и духа – должно быть приятным, хотя бы в начале и пришлось преодолеть некоторые препятствия.

Сосредоточенность еще более трудна для проектирования в нашей культуре, где все, кажется, направлено против способности сосредоточения. Самый главный шаг в обучении сосредоточенности это научиться оставаться наедине с собой, без чтения, слушания радио, курения и выпивки. Да, быть в состоянии сосредоточиться это значит быть в состоянии оставаться наедине с собой, – и эта способность является необходимым условием способности любить. Если человек привязан к другому человеку, потому что не могу стоять на собственных ногах, он или она могут быть моим спасением в жизни, но это отношение не будет отношением любви. Парадоксально, но способность оставаться наедине с собой является условием способности любить. Каждый, кто попытался оставаться наедине с собой, убедится, как это трудно. Он почувствует беспокойство, возбужденность или даже испытает чувство сильной тревоги. Он будет склонен рационализировать свое безволие в продолжении этой попытки мыслью, что сосредоточенность не имеет ценности, что она просто глупа, отнимает слишком много времени и т. д. и т. д. Он к тому же заметит, что ему приходят в голову и овладевают им всевозможные мысли. Он словит себя на том, что думает о планах на день или о каких-то трудностях в предстоящей работе, думает, куда пойти вечером, или о каких-либо других вещах, которые приходят в голову вместо того, чтобы в ней наступила пустота. В этом может помочь выполнение нескольких упражнений. Например, сесть в свободную позу (не слишком расслабившись и не слишком напрягаясь), закрыть глаза и попытаться увидеть перед собой белое пятно, а потом постараться удалить все рассеянные образы и мысли; попытаться следить за своим дыханием, не думать о нем и не управлять им, а следить за ним – дыша, чувствовать его; далее, попытаться почувствовать свое «я»; я – это я сам, центр своих сил, творец своего мира. Следует делать такое упражнение на сосредоточение каждое утро, по крайней мере, двадцать минут (а если возможно, то дольше) и каждый вечер перед сном¹.

Кроме этих упражнений можно научиться быть сосредоточенным во всем, что бы ни делалось: в слушании музыки, в чтении книги, в разговоре с человеком, в рассматривании чего-либо. То, что делается в данный момент, должно быть единственной вещью, которой следует отдаваться целиком. Если сосредоточиться, то не имеет значения, что делать; как важные, так и неважные вещи получают новое измерение, потому что на них сосредоточено все внимание. Обучение сосредоточенности требует избегать, насколько это возможно, тривиальных разговоров, т. е. разговоров несущественных. Если два человека говорят о росте деревьев, которые они оба знают, или о вкусе хлеба, который они вместе ели, или об общем чувстве в своей работе, то такая беседа может быть уместной при условии, что они переживают то, о чем говорят, а не толкуют об этом отвлеченно; с другой стороны, беседа может касаться вопросов политики или религии, и все же быть тривиальной. Так получается, когда два человека говорят штампами, когда они не вкладывают душу в то, о чем говорят. Я должен здесь добавить, что насколько важно избегать тривиального разговора, настолько же важно избегать дурной компании. Под дурной компанией я разумею не только людей злобных и вредных: их компании следует избегать, потому что они отравляют атмосферу и угнетают. Я имею в виду такую компанию «живых трупов», людей, чей дух мертв, хотя тело их живо; людей, чьи мысли и разговоры тривиальны; которые болтают вместо того, чтобы говорить, и которые изрекают мнения – штампы вместо того, чтобы думать самостоятельно. Однако не всегда возможно даже не обязательно избегать компании таких людей. Если реагировать не так, как они ожидают – т. е. произнося штампы и тривиальности

– а прямо и по-человечески, то часто случается, что такие люди меняют свое поведение. Этому способствует их удивление перед чем-то неожиданным.

Быть сосредоточенным в отношениях с другими людьми это значит, в первую очередь, быть в состоянии слушать. Большинство людей слушают других или даже дают советы, фактически не слушая. Они не принимают слова другого человека всерьез, они не принимают всерьез и свои собственные советы. В результате, разговор утомляет их. Они подвержены иллюзии, что утомились бы еще больше, если бы слушали сосредоточенно. Но истина в противоположном. Всякая деятельность, если она осуществляется сосредоточенно, – пробуждает (хотя впоследствии и наступает естественная и полезная усталость). В то же время всякая несосредоточенная деятельность – усыпляет, хотя в конце дня она не дает уснуть.

Быть сосредоточенным это значит жить полностью в настоящем, в здесь – и

– сейчас, а не думать о том, как сделать предстоящее дело, в то время, когда нужно правильно делать что-то именно сейчас. Нет необходимости говорить, что больше всего сосредоточенности должно быть у тех, кто любит друг друга. Он; должны научиться быть близкими друг другу, не разбрасываться по многим направлениям, как это обычно бывает. Начинать практиковать сосредоточенность будет трудно; будет казаться, что этой цели никогда не достичь. Едва ли надо говорить о том, что здесь необходимо терпение. Если забыть, что все требует времени, и хотеть форсировать дело, то, действительно, никогда не достичь успеха ни в обретении сосредоточенности, ни в искусстве любви. Чтобы понять, что такое терпение, надо только посмотреть, как ребенок учится ходить. Он падает, падает, и снова падает, и все же продолжает делать попытки, совершенствуется, пока однажды не пойдет, не падая. Чего мог бы достичь взрослый человек, если бы обладал терпением ребенка и его сосредоточенностью на важных целях!

Нельзя научиться сосредоточенности, не умея чувствовать себя. Что это значит? Нужно ли все время думать о себе, «анализировать» себя? Если бы мы говорили о том, что значит чувствовать машин, это нетрудно было бы объяснить. Например, каждый, кто водит автомобиль, – чувствует его. Он замечает даже малейший, необычный стук, малейшие изменения при включении мотора. Точно также водитель чувствует изменения поверхности дороги и движение машин, едущих перед ним и после него. Однако же он не думает обо всех этих факторах; его ум находится в состоянии релаксированной бдительности, открыт всем существенным изменениям ситуации, на которой он сосредоточен, – безопасно вести

автомобиль.

Если мы хотим узнать, как чувствовать другого человека, то самый лучший пример даст нам чувствительность и отзывчивость матери к своему ребенку. Она замечает любые телесные перемены, нужды, тревоги ребенка еще до того, как они будут открыто выражены. Она пробуждается от плача ребенка, тогда как другие, более громкие звуки не могли бы ее разбудить. Все это означает, что она чувствует проявления жизни ребенка; она не тревожна и не беспокойна, а находится в состоянии бдительного равновесия, восприимчива ко всякому малейшему сигналу, идущему от ребенка. Таким же образом можно чувствовать самого себя. Например, можно отдавать себе отчет в чувстве усталости и депрессии, но вместо того, чтобы предаваться им и поддерживать их угнетающими мыслями, которые всегда есть наготове, надо спросить себя: «В чем дело? Почему я подавлен?» То же самое надо делать, когда замечаешь, что раздражен или разозлен, или хочется пофантазировать, или иным способом убежать от себя. В каждом из этих примеров важно понять себя, а не объяснять, как попало тысячей и одним способом. Более того, надо быть открытым собственному внутреннему ГОЛОСУ; он – скажет – часто очень тихо, едва слышно – почему мы тревожны, подавлены, раздражены.

Обычный человек восприимчив к своим телесным процессам: он замечает в них перемены и даже незначительную боль; такой вид телесной восприимчивости относительно легко испытать, поскольку большинство людей имеют опыт хорошего самочувствия. Такая же восприимчивость к собственным духовным процессам намного более труднодостижима, потому что многие люди никогда не знали человека, живущего оптимально. Они принимают за норму психическую жизнь своих родителей и близких или социальной группы, в которой рождены, но пока они сами не отличаются от них, то чувствуют себя нормально и не заинтересованы в каких-либо наблюдениях. Есть много людей, которые не видели, например, любящего человека или человека честного, отважного, сосредоточенного. Вполне очевидно, что чтобы стать восприимчивым к себе, надо иметь образ полной здоровой человеческой жизни. А как достичь такого переживания, если его не было ни в детстве, ни в позднейшей жизни? Ясно, что на этот вопрос нет простого ответа, но сам вопрос указывает на один достойный критики фактор в нашей системе обучения.

Хотя мы учим знанию, мы оставляем без внимания такое обучение, которое в высшей степени важно для человеческого развития: обучение посредством простого присутствия зрелого, любящего человека. В предшествующие эпохи нашей культуры, или в Китае и Индии, наиболее высоко ценимым был человек выдающихся духовных качеств. Учитель был не только, и даже не в первую очередь, источником информации, но в его функцию входило обучение определенным человеческим установкам. В современном капиталистическом обществе – и то же «относится и к русскому коммунизму – людьми, внушающими восхищение и желание подражать, являются кто угодно, но только не носители выдающихся духовных качеств. В глазах общественности значительны те, кто дает обычному человеку чувство заместительного удовольствия. Кинозвезды, исполнители песен, обозреватели, важные деловые и правительственные фигуры – вот образцы для подражания. На эту роль их зачастую выдвигает то, что им удалось добиться известности. Все же ситуация не представляется совсем уж безнадежной. Если принять во внимание, что такой человек, как Альберт Швейцер смог стать знаменитым в Соединенных Штатах, если представить, как много есть возможностей познакомить нашу молодежь с живущими ныне и историческими личностями, жизнь которых доказывает, чего могут достичь настоящие люди, а не увеселители в широком значении этого слова, если вспомнить о великих произведениях литературы и искусства всех времен, то окажется, что есть шанс создать представление о настоящей человеческой жизни. А значит и восприимчивость к неправильной жизни. Если же нам не удастся способствовать такому представлению о зрелой жизни, тогда мы действительно станем лицом к лицу с вероятностью, что вся наша культурная традиция прервется. Эта традиция основывается на передаче прежде всего не определенных видов знания, а определенных видов человеческих черт. Если грядущие поколения никогда больше

не увидят этих черт, то культура пяти тысячелетий рухнет, даже если будет дальше передано и развито ее знание.

Пока что я рассматривал необходимое для практики любого искусства. Теперь я собираюсь рассмотреть те качества, которые имеют особое значение для способности любить. В соответствии с тем, что я говорил о природе любви, главное условие в достижении любви составляет преодоление собственного нарциссизма. При нарциссистской ориентации человек воспринимает как реальность только то, что существует внутри него самого, явления же внешнего мира имеют для него реальность не сами по себе, а только с точки зрения их полезности или опасности для него. Полюс, противоположный нарциссизму, это объективность; она представляет собой способность видеть людей и вещи как они есть, объективно, а также способность отделять эту объективную картину от картины, сформированной собственными желаниями или страхами человека. Все формы психозов показывают доходящую до крайности неспособность объективности. Для безумца единственная реальность та, которая существует внутри него, реальность его страхов и желаний. Явления внешнего мира он видит, как символы своего внутреннего мира, свое творение. Со всеми нами происходит то же самое, когда мы спим. Во сне мы творим события, ставим драмы, которые являются выражением наших желаний и страхов, а иногда и наших интуиции. Хотя мы спим, мы воспринимаем продукты наших сновидений столь же реальными, как и реальность, которую воспринимаем в состоянии бодрствования.

Безумец и фантазер полностью лишены объективного взгляда на внешний мир. Но все мы в большей или меньшей степени безумны, все мы в большей или меньшей степени имеем необъективный взгляд на мир, взгляд, искаженный нашей нарциссистской ориентацией. Привести примеры? Каждый может легко их найти, взглянув на самого себя, на своих близких, или почитав газеты. Они разнятся лишь степенью нарцисстского искажения действительности. Например, женщина звонит врачу и говорит, что она хочет придти к нему на прием в полдень. Врач отвечает, что в полдень он не свободен, но может принять ее в следующий день. Она отвечает: «Доктор, но я живу всего в пяти минутах ходьбы от вашей клиники». Она не может понять его объяснение, что ее близкое местонахождение к клинике не экономит ему время. Она воспринимает ситуацию нарциссистски; поскольку она экономит время, то значит и он экономит время; единственная реальность для нее это она сама.

Менее экстремальны – или возможно только менее очевидны – искажения, которые встречаются в повседневных отношениях между людьми. Как много родителей реагирует только на то, послушен ли их ребенок, доставляет ли он им радость, является ли он их гордостью, и так далее, вместо того, чтобы воспринять или даже заинтересоваться тем, что чувствует сам ребенок? Как много мужей считают своих жен тиранками только потому, что привычка к материнской снисходительности заставляет их воспринимать любое требование как ограничение собственной свободы. Как много жен считают своих мужей глупыми или неумелыми только потому, что они не соответствуют фантастическому образу блестящего принца, созданному ими в детстве?

В присловье вошло отсутствие объективности в отношении к другим народам. Что ни день в другом народе открываются все новые черты испорченности, жестокости, в то время как свой народ олицетворяет все хорошее и благородное. Каждое действие врагов оценивается по одному критерию, каждое собственное действие – по другому. Даже хорошие поступки неприятеля считаются знаками особых дьявольских уловок, имеющих целью обмануть нас и весь мир, в то время как наши плохие поступки признаются необходимыми и оправдываются нашими благородными целями, которым они служат. В самом деле, если проследить отношения между народами, как и между индивидами, можно придти к заключению, что объективность это исключение, а большая или меньшая степень нарциссистского искажения это правило.

Способность думать объективно это разум. Эмоциональная установка, основанная на разуме, это смирение. Быть объективным, пользоваться собственным разумом возможно

только при достижении установки на смирение, при избавлении от мечтаний о всезнании и всемогуществе, которые свойственны детству.

В отношении данного рассмотрения практики искусства любви это означает: любовь, будучи зависима от относительного отсутствия нарциссизма, требует развития смирения, объективности и разума. Вся жизнь должна быть посвящена этой цели. Смирение и объективность нераздельны, как и любовь. Я не могу быть по-настоящему объективным к своей семье, если не могу быть объективным к чужим людям, и наоборот. Если я хочу научиться искусству любви, я должен стремиться к объективности в любой ситуации и стать восприимчив к ситуациям, где я не объективен. Я должен стараться видеть разницу между моим образом человека и его поведения, воспринимаемыми мной нарциссистски искаженно, и реальным человеком, существующим безотносительно к моим интересам, потребностям и страхам. Достижение объективности и разума это половина пути к достижению искусства любви, и они должны быть достигнуты в отношении ко всем людям, с которыми приходится вступать в контакт. Если кто-то хочет сохранить объективность к любимому человеку и думает при этом, что без нее можно обойтись в отношениях во всем остальном мире, он вскорости убедится, что проигрывает как в первом, так и во втором случае.

Способность любви зависит от способности освободиться от нарциссизма, от привязанности к матери и клану; она зависит от нашей способности расти, развивать созидательную ориентацию в наших отношениях к миру и к самим себе. Этот процесс освобождения, рождения, пробуждения требует одного качества, являющегося необходимым условием: веры. Практика искусства любви требует практики веры.

Что такое вера? Обязательно ли это вера в бога или в религиозные учения? Должна ли вера обязательно противостоять или расходиться с разумом и рациональным мышлением? Чтобы хоть немного приблизиться к пониманию проблемы веры, нужно провести различие между рациональной и иррациональной верой. Под иррациональной верой я понимаю веру (в человека или идею), основывающуюся на подчинении иррациональному авторитету. Рациональная вера, напротив, это убежденность, которая имеет своим источником наш собственный опыт мысли и чувства. Рациональная вера это прежде всего не верование во что-то, а определенность и стойкость, которые свойственны нашим убеждениям. Вера это черта характера, пронизывающая всю личность, а не какая-то особая вера во что-то.

Рациональная вера коренится в созидательной интеллектуальной и эмоциональной деятельности. В рациональном мышлении, где как считается, вере нет места, рациональная вера является важным компонентом. Например, ученый приходит к новому открытию. Разве он ставит эксперимент за экспериментом, собирает факт за фактом, не имея идеального образа того, что он ожидает найти? Редко по-настоящему важное открытие в какой бы то ни было области делалось именно таким способом. Люди не могут придти к важным выводам и тогда, когда идут на поводу у своих фантазий. Процесс творческого мышления в любой области человеческих усилий часто начинается с того, что может быть названо «рациональным образом», который представляет собой результат серьезного предыдущего исследования, рефлексивного мышления и наблюдения. Когда ученому удалось собрать достаточное количество данных или выработать какую-то математическую формулу, делающую его первоначальный образ в высокой степени вероятным, можно сказать, что он создал экспериментальную гипотезу. Тщательный анализ гипотезы с целью изучения ее импликаций, и сбор данных, ее подтверждающих, ведут к более адекватной гипотезе, и, наконец, возможно, ее включению в широкоохватную теорию.

История науки полна примеров веры в разум и истину. Коперник, Кеплер, Галилей и Ньютон – все они были вдохновлены нерушимой верой в разум. Из-за нее Бруно сгорел на костре, а Спиноза подвергся отлучению. Вера необходима на каждом шагу от замысла, рационального образа до формирования теории: вера в образ как рационально обоснованную цель, вера в гипотезу, как вероятное и правдоподобное предположение, и вера в окончательную теорию, пока наконец не будет достигнуто общее согласие в ее действительности. Эта вера имеет источник в опыте человека, в уверенности в силе собственной

мысли, наблюдения и суждения. В то же время как иррациональная вера это принятие чего-то как истинного только потому, что так говорят авторитет или большинство людей, рациональная вера имеет источник в независимом убеждении, основанном на продуктивном наблюдении и мышлении человека, вопреки мнению большинства.

Мышление и суждение не составляют единственной области опыта, в которой проявляется рациональная вера. В сфере человеческих отношений вера является неременной чертой всякой серьезной дружбы или любви. «Иметь веру» в другого человека это значит быть уверенным в надежности и неизменности его фундаментных установок, самой сути его личности, его любви. Под этим я имею в виду не то, что человек не может менять своих мнений, а то, что его основные мотивации остаются одними и теми же; например, что его уважение к жизни и человеческому достоинству составляет часть его самого и не может измениться.

В этом же смысле мы верим в самих себя. Мы отдаем себе отчет в существовании собственного «я», неизменной сути нашей личности, сохраняющейся на протяжении всей нашей жизни вопреки различным обстоятельствам, и независимо от определенных изменений в мнениях и чувствах. Эта суть, составляющая реальность того, что обозначается словом «я», и составляет основу нашего убеждения в нашей аутентичности. Если мы не имеем веры в постоянство нашего «я», наше чувство аутентичности оказывается под угрозой и мы становимся зависимы от других людей, чье одобрение становится основой нашего чувства аутентичности. Только человек, который имеет веру в себя, способен верить в других, потому что он уверен, что в будущем будет таким же, каким он является и сегодня, а следовательно, он будет чувствовать и действовать так, как и теперь. Вера в себя это условие нашей способности обещать, и поскольку, как говорил Ницше, человека можно определить по его способности обещать, то вера является одним из условий человеческого существования. Что касается любви, то здесь имеет значение вера в собственную любовь, ее способность возбуждать любовь в другом человеке, и в ее постоянство.

Другое значение веры в человека эта вера в возможности других людей. Наиболее простая форма, в которой она существует, это вера матери в свое новорожденное дитя: что оно будет жить, расти, ходить и говорить. Однако развитие ребенка в этих отношениях происходит с такой последовательностью, что ожидания такого рода, кажется, не требует веры. Другое дело те возможности, которые могут не получить развития, это способность ребенка любить, быть счастливым, разумным, и также более специфические возможности, как художественные дарования. Это семена, которые прорастают и проявляются, если есть надлежащие условия для их развития, но они могут оказаться загублены, если надлежащих условий не будет.

Одно из самых важных среди этих условий это то, чтобы человек, играющий значительную роль в жизни ребенка, верил в его возможности. Наличие такой веры кладет различие между воспитанием и манипуляцией. Воспитание тождественно помощи ребенку в реализации его возможностей. Манипуляция противоположна воспитанию, она основана на отсутствие веры в развитие возможностей и на убеждении, что ребенок будет хорошим, только если взрослые вложат в него то, что желательны, и подавят то, что представляется нежелательным. Нет необходимости верить в робота, потому что в нем нет жизни.

Вера в других достигает своей кульминации в вере в человечество. В западном мире эта вера была выражена в религиозных терминах в иудео-христианской религии, а в светском языке она находит свое сильнейшее выражение в гуманистических политических и социальных идеях последних полутора столетий. Как и вера в ребенка, эта вера основана на идее, что возможности человека позволят ему при надлежащих условиях построить социальный порядок, управляемый принципами равенства, справедливости и любви. Поскольку до сих пор человеку не удалось построить такой порядок, то убеждение, что он сможет это сделать, все еще требует веры. Но как и всякая рациональная вера, эта вера также является не благим пожеланием, а основывается на свидетельствах прошлых достижений человеческого рода и на внутреннем опыте каждого индивида, на его собственном опыте

разума и любви.

В то время как иррациональная вера основывается на подчинении силе, которая воспринимается как непреодолимая, всезнающая и всемогущая, и в отречении от собственной силы и могущества, рациональная вера основывается на противоположном опыте. Эта вера пребывает в нашей мысли, потому что она является результатом нашего собственного наблюдения и раздумья. Мы имеем веру в возможности других людей, в свои возможности и в человечество потому, и только в той степени, насколько мы сами испытали рост наших собственных возможностей, действительность этого роста в самих себе, могущество нашей собственной силы разума и любви. Основа рациональной веры – созидательность; жить своей верой это значит жить созидательно. Из этого следует, что вера в силу (в смысле господства) и использование силы являются оборотной стороной веры. Вера в существующую силу тождественна неверию в развитие еще не успевших реализоваться возможностей. Она – предсказывает будущее, основываясь исключительно на проявлениях нынешнего времени, но она оказывается серьезным просчетом, глубоко иррациональным в своей неспособности учитывать человеческие возможности и человеческое развитие. Не существует рациональной веры в силу. Есть подчинение ей или тем, кто ею обладает, желание ее удержать. В то время как многим сила кажется самой реальной из всех вещей, история человека доказала, что это самое ненадежное из всех человеческих достижений. Из-за того, что вера и сила взаимно исключают друг друга. Все религии и политические системы, первоначально строившиеся на рациональной вере, стали разлагаться и наконец утратили свою былую мощь, когда обратились к силе или вступили в союз с ней.

Чтобы верить, нужна отвага, способность идти на риск, готовность принять даже муки и разочарование. Кто дорожит безопасностью и спокойствием, как первостепенными условиями жизни, тот не может верить; кто ушел в глухую оборону, где средствами безопасности служат дистанция и собственность, тот сам делает себя узником. Чтобы быть любимым и любить, необходима отвага, отвага считать определенные ценности достойными высшего внимания, а также отвага ради этих ценностей ставить на карту все.

Такая отвага сильно отличается от отваги, о которой говорил известный фанфарон Муссолини, когда употребил лозунг «жить среди опасностей». Его род отваги это отвага нигилизма. Она коренится в разрушительной установке по отношению к жизни, в готовности потерять жизнь из-за неспособности любить ее. Отвага отчаяния противоположна отваге любви так же, как вера в силу противоположна вере в жизнь. Существует ли что-то, что надо практиковать, чтобы верить и быть отважным? По правде говоря, веру можно практиковать каждый момент. Веры требует воспитание ребенка; веры требует засыпание, вера требуется, чтобы начать любую работу. Но мы все привыкли иметь этот вид веры. Кто не имеет ее, тот страдает от тревоги за своего ребенка или от бессонницы, или от неспособности к любой созидательной работе, или становится подозрителен, воздерживается от тесных контактов с кем бы то ни было, или становится ипохондриком, или неспособен составлять долгосрочные планы. Придерживаться собственных суждений о человеке, даже если общественное мнение или какие-то непредвиденные факты, казалось бы, противоречат этому суждению; придерживаться собственных убеждений, даже если они непопулярны, – все это требует веры и отваги. Принимать трудности, поражения и горести жизни как испытания, из которых мы выходим более сильными, а не как несправедливую кару, которая не должна была постигнуть нас, – это тоже требует веры и отваги.

Практикование веры и отваги начинается с мелочей повседневной жизни. Первый шаг – это заметить, где и когда вера была утрачена, исследовать «объяснение, которые используются, чтобы скрыть эту утрату веры, осознать, где ты действовал трусливо, и опять же, как эта трусость объяснялась. Осознать, как каждая измена вере ослабляет тебя, а возрастающая слабость ведет к новым изменам, и так далее, по порочному кругу. Тогда человек осознает, что, хотя сознательно боялся оказаться нелюбимым, на самом деле это был страх перед любовью, страх, обычно неосознаваемый. Любить значит довериться, отдалиться полностью в надежде, что твоя любовь возбудит любовь в любимом человеке.

Любовь это акт веры, и кто имеет мало веры, тот имеет и мало любви. Что можно еще сказать о практике веры? Вероятно, кто-то другой и может, и если б я был поэтом или проповедником, я тоже попытался бы. Но так как я ни поэт, ни проповедник, я не могу и пытаться более говорить о практике веры, хотя я надеюсь, что тот, кто действительно хочет, может научиться верить, как ребенок учится ходить.

Одну установку, крайне необходимую для практикования искусства любви, которая прежде упоминалась лишь мельком, нужно рассмотреть внимательнее, так как она является основной для практики любви. Это активность. Я уже говорил, что активность означает не делание чего-то, а внутреннюю деятельность, созидательное использование своих сил. Любовь это активность; если я люблю, я нахожусь в состоянии постоянного активного интереса к любимому человеку. Но не только к нему или к ней. Я не смогу активно относиться к любимому человеку, если я ленив, если я не нахожусь в состоянии постоянного осознания, бодрости, деятельности. Сон это единственная ситуация, допускающая бездеятельность; в состоянии бодрствования лени не должно быть места. Ныне огромное число людей находится в парадоксальной ситуации – они наполовину спят, когда бодрствуют, и наполовину бодрствуют, когда спят или хотят спать. Быть полностью бодрствующим это условие того, чтобы не скучать самому и не заставлять скучать других, – и конечно же, не скучать и не быть скучным для другого – это одно из главных условий любви. Быть действенным в мысли, в чувстве, активно видеть и слышать на протяжении всего дня, избегать внутренней лени, то ли в форме откладывания чего-то на потом, то ли в форме спланированного пустого времяпровождения, – это обязательное условие для практикования искусства любви. Иллюзия – считать, что можно разделить жизнь таким способом, что она будет созидательной в сфере любви, и несозидательной во всех других сферах. Созидательность не допускает такого разделения труда. Способность любить требует состояния напряжения, бодрствования, повышенной жизнеспособности, которые могут быть результатом только созидательной и активной ориентации во многих других сферах жизни. Если кто-то не созидателен в других сферах, он не созидателен и в любви.

Рассмотрение искусства любви не может ограничиться только личной сферой в достижении и развитии тех черт характера и установок, которые были описаны в этой главе. Оно неразрывно связано с социальной сферой. Если любить это значит иметь установку на любовь ко всему, если любовь это черта характера, она должна обязательно присутствовать не только в отношениях к своей семье, и друзьям, но также и к тем, с кем человек вступает в контакт на работе в делах, в своей профессиональной деятельности. Здесь нет «разделения труда» между любовью к своим и любовью к чужим. Напротив, условием существования первой является существование второй. Принять это всерьез – значит решительно изменить свои социальные отношения, отступив от общепринятых. Хотя много слов произносится о религиозном идеале любви к ближнему, в действительности наши отношения определяются в лучшем случае принципом честности. Быть честным это значит не обманывать и не хитрить в обмене товарами и услугами, а также в обмене чувствами. «Я даю тебе столько же, сколько ты даешь мне». Это преобладающая этическая максима капиталистического общества как в отношении материальных благ, так и в отношении любви. Можно даже сказать, что развитие этики честности это специфический вклад капиталистического общества в сферу этики.

Причины этого в самой природе капиталистического общества. В докапиталистических обществах обмен благами определялся непосредственной силой или традицией, или личными узами любви и дружбы. При капитализме определяющим фактором является рыночный обмен. Имеем ли мы дело с товарным рынком, или рынком труда, или рынком услуг, каждый человек обменивает то, что имеет для продажи, на то, что он хочет приобрести по условиям рынка, не прибегая к силе или обману.

Этику честности легко спутать с этикой золотого правила. Максиму «делай другим то, что ты хотел бы, чтобы делали тебе» можно истолковать в смысле «будь честен в своем обмене с другими». Но в действительности она первоначально была сформулирована в более

популярной библейской версии: «люби ближнего своего как самого себя». Иудейско-христианская норма братской любви на деле совершенно отличается от этики честности. Она требует любить своего ближнего, то есть чувствовать ответственность за него и единство с ним, в то время как этика честности требует не чувствовать ответственности и единства, а держаться на расстоянии и порознь; она требует уважать права своего ближнего, а не любить его. Неслучайно, золотое правило сегодня становится самой популярной религиозной максимой, поскольку ее можно истолковать в категориях этики честности, это единственная религиозная максима, которую каждый понимает и готов ее применять. Но практика любви должна начинаться с осознания между честностью и любовью.

Здесь однако возникает важный вопрос. Если вся наша социальная и экономическая организация основывается на том, что каждый ищет выгоды для себя самого, если она руководствуется принципом эгоизма, только смягченного этическим принципом честности, как можно делать бизнес, как можно действовать в рамках существующего социального уклада и в то же время любить? Разве любовь не предполагает отказа от всех светских интересов и не требует разделить участь беднейших? Радикально отвечали на этот вопрос христианские монахи и люди вроде Толстого, Альберта Швейцера и Симоны Вейл. Есть и такие², кто считает принципиально несовместимыми любовь и нормальную светскую жизнь в нашем обществе. Они пришли к выводу, что говорить о любви сегодня это значит участвовать в общей лжи. Они заявляют, что в сегодняшнем мире могут любить только мученик или сумасшедший, а потому всякое обсуждение любви это не что иное как проповедь.

Такая очень почтенная точка зрения может легко послужить рационализации цинизма. В действительности, ее безотчетно придерживается обычный человек, который думает: «хотел бы быть хорошим христианином – но пришлось бы умереть с голоду, если бы я воспринял это серьезно». Этот «радикализм» в конечном счете ведет к моральному нигилизму. И «радикальные мыслители», и обычный человек лишены любви-автоматы, и единственное различие между ними в том, что обычный человек не осознает этого, а «радикальный мыслитель» это осознает и признает «историческую необходимость» данного положения вещей.

Я убежден, что признание абсолютной несовместимости любви и «нормальной» жизни правильно только в абстрактном смысле. Принцип, лежащий в основе капиталистического общества, и принцип любви – несовместимы. Но современное общество в своем конкретном проявлении представляет собой сложный феномен. Продавец бесполезного товара, например, не может исполнять свою экономическую функцию, не прибегая ко лжи, а квалифицированный рабочий, химик или физик может. Подобным образом, фермер, рабочий, учитель и многие другие профессии могут пытаться любить, не прекращая своих экономических функций. Даже если признать, что принцип капитализма несовместим с принципом любви, нужно признать, что «капитализм» сам по себе является сложной и постоянно изменяющейся структурой, которая все же допускает много неконформизма и личной свободы.

Говоря это, я однако не склонен предполагать, что существующая ныне социальная система будет продолжать свое существование бесконечно, и в то же время надеяться на реализацию идеала любви к своему ближнему. Люди, способные любить, при нынешней системе по необходимости составляют исключение; любовь является по необходимости маргинальным явлением в сегодняшнем западном обществе. Не столько потому, что многие профессии не допускают отношений любви, сколько потому, что дух общества, сосредоточивший свой интерес на производстве товаров и алчущего товаров, таков, что только неконформист может успешно защищать себя от него. Те, кто серьезно относятся к любви, как единственному разумному ответу на проблему человеческого существования, должны придти к выводу о необходимости важных и радикальных перемен в нашей социальной структуре, если любви предстоит стать общественным, а не исключительно индивидуальным и маргинальным явлением. О направлении таких перемен в рамках этой

книги можно только намекнуть. Наше общество управляется менеджерской бюрократией, профессиональными политиками; люди подвергаются массовому внушению, их цель, вернее самоцель – больше производить и больше потреблять. Все виды деятельности подчинены экономическим целям, средства становятся целями, человек является автоматом – хорошо накормленным, хорошо одетым, но без какого-либо высшего интереса к своим характерным человеческим качествам и функциям. Если человек в состоянии любить, он должен занять свое высшее положение. Экономическая машина должна служить ему, а не он ей. Он должен получить право участвовать в переживании, участвовать в работе, а не только, в лучшем случае, в прибылях. Общество должно быть организовано таким образом, чтобы социальная, любящая природа человека не отделялась от его социального существования, а воссоединилась с ним. Если правда, как я пытался показать, что любовь это единственный здоровый и удовлетворительный ответ на проблему человеческого существования, то любое общество, которое исключает развитие любви, должно в конце концов погибнуть от того, что оно противоречит основным потребностям человеческой природы. На самом деле, говорить о любви – это не «проповедь» по той простой причине, что это значит говорить о высшей и истинной потребности каждого человеческого существа. То, что эта потребность скрыта, не означает, что ее не существует. Анализ природы любви раскрывает ее общее отсутствие сегодня и ведет к критике социальных условий, ответственных за это отсутствие. Вера в возможность любви как социального, а не только исключительно индивидуального явления, это разумная вера, основанная на способности понимания самой природы человека.

1 Хотя особое значение придавалось теории и практике этого вопроса в восточных, особенно в индийской, культурах, те же цели преследовались в недавнее время и на Западе. Наиболее серьезной, на мой взгляд, является школа Гиндлера, цель которой в чувствовании собственного тела. Для понимания гиндлеровского метода ср. также работы Шарлотты Сэлвер, ее лекции и курсы в Новой школе в Нью-Йорке.

2 См. Herbert Marcuse's article «The Social Implications of Psychoanalytic Revisionism» Dissent, New York. Summer. 1955.

SunHome.ru – Дом Солнца